

Михаил КОЖАЕВ

ЧАСТИ РЕЧИ

Фантомная повесть

2016

Кожаев М. Части речи: фантомная повесть. Косогория: Издательский дом «Старьяк & д'Артаньяк», 2016. – 84 с.

© Михаил КОЖАЕВ, автор, 2015 – 2016

© Екатерина КОЖАЕВА, дизайн, 2016

Двести лет

Наполненная гостями зала блистала огнями и бриллиантами. Приглашённые рассаживались за столы, заставленные блюдами и напитками. Официанты продолжали разносить шампанское на подносах, но именинник уже занял отведённое ему место, а в коридоре показался огромный торт. Его ввозили трое слуг, которыми управлял один из гостей. У входной двери он остановил процессию, и тогда седой старик, восседавший рядом с виновником торжества, ударил серебряной вилкой по фужеру и взял слово посреди устанавливавшейся тишины.

– Дорогие друзья! – громко произнёс он, пока заканчивали скрипеть последние стулья и смолкали заключительные беседы. – В этот знаменательный день все мы собрались здесь, чтобы поздравить человека удивительной судьбы и главу обширного семейства. Отец! С огромным уважением я хочу поздравить тебя с днём рождения. Но прежде, чем гости выстроятся в очередь, чтобы лично запечатлеть тебе своё почтение и любовь, – я не могу не удовлетворить просьбу твоих друзей. Все они собрались здесь и приготовили тебе сюрприз...

В этот момент к центральному столу приблизился, не по годам бодро, дряхлый старик. Он объявил, что знаком с именинником столько лет, что присутствующая молодёжь едва ли достигла возрастом десятой части того большого пути, который он с уважаемым Дмитрием Фёдоровичем успел пройти.

– Впрочем, – заметил выступавший, – при современном уровне медицинских технологий мы смеем рассчитывать, что и этот внушительный срок – только часть нашей дружбы и истории! Дорогой наш Димка!

Дружный хохот разошёлся по всей зале.

– Пускай ты самый старший из нас, но я имею право тебя так называть. Мы все – школьные товарищи, друзья детства, коллеги – пришли поздравить тебя с твоим сто восемьдесят седьмым днём рождения!

Стоявший у дверей гость зажеликулировал, и слуги ввели в центр зала огромный торт. На нём, как сообщил тостующий, горело ровно 187 свечей, который именинник должен был непременно задуть. Собрание оживилось и задвигалось.

– Но чтобы никакие проблемы со здоровьем не отвлекали тебя от этой непростой процедуры – мы все решили скинуться и подарить тебе...

Раздалась барабанная дробь.

– ...пересадку сердца в клинике доктора Феллера!

Со всех сторон слышались возгласы изумления и восхищения, которые сменились настоящей волной аплодисментов. Именинник – согбенный старик, тоже, впрочем, весьма подвижный и жизнерадостный – вышел к пылающему торту и задул его на удивление быстро.

В отдалённом углу молодой парень лет восемнадцати вполголоса заметил:

– Очередное сердце! Какое уже, тридцатое?

– Дима! Имей уважение! – осекла его женщина, по возрасту походившая на его маму или старшую сестру. – Это твой четырежды прадед! Тебя назвали в его честь, а ты позволяешь себе подобные мысли!

– Мама, у меня сегодня ещё вечеринка! Ты обещала, что не удержишь меня долго!

– Ты уйдёшь не раньше, чем поздравить дедушку! Он тебя в десять раз старше, в конце концов! Прояви почтение.

Торжество продолжалось, и вскоре родственник тёзка прокрался к своему пращуру и воспользовался случаем, чтобы поскорей его поздравить, вручить подарок и немедленно направиться к гардеробу.

Вечеринка

– Митя, привет! Ну что, как там твой старикашка?

Дмитрия встретил молодой парень в настолько широких джинсах, что в них, кажется, можно было спланировать по ветру с крыши здания. Друзья пожали руки и обнялись.

– Привет, Андрей! Да ужас какой-то! С каждым годом всё больше гостей. Причём такое ощущение, что действительно нужен он только своим друзьям, которых нет-нет, да и станет меньше. А все остальные – статисты, которые не могут не прийти. Там уже родственники – пятая вода на киселе, а прочие и вовсе сброд какой-то! Одним словом, нормально, как всегда, – подытожил Дмитрий, заканчивая раскладывать вещи по рюкзаку.

Они уже подошли ко входу в ночной клуб. Охранник досмотрел их кладь и пропустил внутрь. В этот момент у Дмитрия зазвонил телефон. На экране замигала надпись «Серый кардинал», но дозвониться ему не было суждено. Молодой человек скривился в недовольной гримасе и перевёл телефон в беззвучный режим: как будто не слышит.

– Эскобар достал? – переводя разговор на другую тему, уточнил Дмитрий, пока они ещё не дошли до конца коридора, откуда неслась оглушительная музыка.

– Ну когда Пабло не доставал, обижаешь! – развёл руками Андрей. – Так что сегодня оторвёмся на славу!

– Запомним эту ночь надолго? – почти прокричал Дмитрий, поскольку они уже приблизились ко входу на танцпол.

– О да! – воскликнул Андрей. – Полгода ещё обсуждать будем, минимум.

Молодые люди обменялись подмигиваниями и вошли наконец в зону шквальной музыки. Впрочем, здесь ребята только пританцовывали, проходя мимо беснующейся массы молодёжи. Их путь лежал на второй этаж, в отдельные комнаты, где их уже давно ждала основная часть их компании.

– О, смотрите, кто пришёл! – провозгласила юная девушка в коротких джинсовых шортах и розовой маечке. – Неужто это Митя и Андрэ? А мы уж вас заждались, думали без вас начинать.

Вокруг раздался гулкий, сдерживаемый смех и поднялась волна приветственного энтузиазма, поднятая, видимо, обещанием очередной шутки или фарса, столь любимого в сплочённом и дружном обществе.

Вошедшие заняли отведённые им места, все уселись, и слово взял Ксен. Его настоящее имя было Константин, но он давно звался гордым греческим Ксенофонтом, или коротко – Ксен. Мужской аналог Ксении, любил шутить он.

– Друзья! Мы все собрались здесь провести время в духе брато- и сестролюбия – в хорошем, отнюдь не пошлом и чисто платоническом смысле этих слов. Особая атмосфера взаимности и поддержки – вот чем отличается наша дружная компания от прочей шушеры, которая находится здесь по соседству. Сегодня у нас особый повод, поэтому и настроение у всех – особенное. Мы довольно долго ждали этого события, тем более обидным некоторым может представиться такое явление, когда все договорились прийти в одно время, а некоторые задержались... конечно, по уважительным причинам.

Среди честной компании раздались плохо или вовсе не скрываемые смешки.

– Но и портить вечер претензиями и выяснениями я не хочу. Поэтому в качестве эпиграфа ко всему сегодняшнему сумасшествию – а заодно это будет и тост, так что поднимайте, что у вас есть, – я хочу зачитать короткую заметку, которую я недавно прочёл в церковном вестнике.

Хохот сделался громче, а Дмитрий переглянулся с Андреем, понимая, что сейчас, естественно, будут иронизировать в их адрес. Безжалостная сатира, доходящая до стёба, – вообще отличительная черта их тусовки.

Ксен достал заранее приготовленную бумажку и прочёл заглавие:

– Является ли грехом опоздание?

После этого он тут же сделал паузу, чтобы произвести большой юмористический эффект. Все рассмеялись – кто глухо, кто подавившись коктейлем.

– Является ли грехом такое, на первый взгляд, безобидное явление, как опоздание? – начал пасторально зачитывать Ксен. – Далекое не каждый из нас задумывается над этой темой, а между тем она весьма серьезна.

Оратор окинул присутствующих назидательным взглядом, подтверждая согласие с автором.

– Помнится, когда я был ещё школьником и пономарил в храме своего родного города, – так же монотонно продолжил цитату Ксен, – случилось такое, что просыпал начало службы. Разумеется, священнику приходит в неподготовленный для Божественной литургии алтарь неприятно. Удивительно, но выговора я ни разу не получил, батюшка только шутил: «Аккурат к шестому часу приходишь, как архиерей».

Невольные смешки раздались сразу с нескольких сторон.

– Хорошо, что всё происходило именно так, потому что как служить литургию с гневом и злобой в сердце?!

Ксен снова сделал паузу и снова посмотрел на всех поучительно, заглянув каждому в глаза.

– Также у каждого из нас, – вернулся он к чтению, – наверняка, происходили такие случаи, когда, к примеру, всем коллективом собираешься куда-либо, но один человек сильно опаздывает.

Присутствующие захохотали, а чтец усилил педагогический тон, словно бы объяснял маленьким детям:

– От этого никто ничего не теряет, однако у многих возникает такое чувство, как раздражение, то есть появляется злоба в сердце. Из этого можно заключить, что опоздание – это пагубная вещь, которая заставляет гневаться окружающих людей. А гнев впоследствии обращается в злобу и злопамятность, и это является причиной многих бед для души человека. Одним словом, этим невинным поступком мы вводим в грех своих братьев. «Не так пагубно самому согрешить, как ввести в грех других...» – говорит нам святитель Иоанн Златоуст.

Веселье перестало быть буйным, когда за очевидной иронией проявилось и обнаружилось в полной мере зрелое психологическое зерно.

– Поэтому будем стараться быть более пунктуальными. Не нужно давать повод врагу рода человеческого сеять в сердцах наших ближних гнев, раздражительность и злобу! – в пасторальном духе окончил Ксен и поднял рюмку с текилой: – За братолюбие!

– За братолюбие! – вторил ему десяток голосов, все слились в улюлюканьи, объятиях и поцелуях.

Спустя полчаса, в которые уместились выяснения последних новостей, дополнительные объятия и пара тостов, речь зашла о том, что принёс с собой Эскобар. На вопрос, всё ли готово, Пабло отвечал утвердительно. Но предупредил, что придётся подождать ещё некоторое время, поскольку искомый продукт передаётся через цепочку знакомых, а выбор места хранения далеко не так очевиден. Впрочем, Пабло не стал вдаваться в подробности и просто объявил, что товар уже здесь, в клубе.

Не успела компания как следует разогреться на танцполе, как пришло известие, что Эскобар приказал «свистать всех наверх». А это означало, что вечеринка подошла к своей кульминации. Друзья закрылись в комнате со всеми требуемыми случаем мерами предосторожности, и минут десять никто оттуда не выходил и никто не входил. Наконец, дверь отворилась, и на пороге показалась Маша – совсем юная девушка в джинсовых шортах с нашивками героев японской мультипликации. Воспалённым взглядом она окинула танцевальную площадку, но, казалось, не слышала музыки вовсе. Либо слышала, как в туманном сне, словно бы трансовые звуки застыли до густого желе, через которое Маша теперь пробиралась.

За ней последовали остальные. Некоторые судорожно пританцовывали, другие с опаской озирались по сторонам. Но у всех взгляд выражал такое одухотворение, граничившее с безумием, как будто их посвятили в масонскую ложу. Ещё спустя несколько минут все вдруг стали лихорадочно общаться друг

с другом, находя и удивляясь множеству деталей в одежде, на которые раньше они почему-то не обращали внимание. Музыка стала осязаемой, а весь мир – осмысленным и живым, так что и яркие цвета интерьера разоблачили свою одушевлённость и заговорили в духе гармонии всего окружающего.

Несколько часов продолжался всеобщий подъём, который для некоторых перерос в оргию. А когда в клубе стали потихоньку готовиться к закрытию, то компания решила встретить рассвет вместе на улице, чтобы торжественно поклясться друг другу в вечной дружбе и выразить восхищение и влюблённость в столь мудрую и глубокую жизнь всего сущего.

Когда на горизонте показался первый трамвай, Дмитрий неожиданно потребовал общего внимания, чтобы наглядно доказать важнейшую мысль, которая только что пришла к нему в голову. Он объявил, что главный признак нашего мира, лучшего из всех возможных миров, есть отсутствие смерти как таковой. Что называемое нами смертью есть величайшая иллюзия, а сущее само заживляет всё.

Именно это Дмитрий, видимо, и хотел проиллюстрировать, когда подбежал к несущемуся на полном ходу трамваю и положил ногу на рельсу. Секунду спустя вагон проскочил мимо, а грохот колёс сменился жутким криком молодого человека, который держался за обезображенный обрубок, из которого тонкими струями на добрые два метра вперёд фонтанировала кровь. И тут же, рядом, лежала отсечённая нога, бившая кровью в обратном направлении и попадавшая своему бывшему владельцу на лицо и даже в окаменелый от боли и крика рот. Наступил рассвет.

Совет

- Вы не можете так со мной поступить!
- Ты стал неуправляемым! Тебе нужно всерьёз задуматься о своём поведении! А заодно и обо всей своей будущей жизни! Ты из себя ещё ничего

не представляешь, а уже успел выбросить на ветер столько, сколько твой дед копил двадцать пять лет!

– Да он-то здесь вообще причём? Чего вы этого старого маразматика впутываете!

– Ты совсем с катушек слетел! Ты в курсе, что говоришь об отце моего деда? В тебе хоть капля уважения есть? Нажил хоть это к двадцати годам?

– Зато я в свои двадцать свободен! И открыт для жизни! А не сижу взаперти в ваших домах-клетках и не рассуждаю, куда катится молодёжь! Боже мой, какие на них расходы! Да я бы уже давно зарабатывал, если бы не вы! «Сначала надо получить образование»...

– Что? Ты образованием пытаешься прикрыть свою никчёмность? Да ты каждый год с треском заканчиваешь! Я вообще удивлён, как тебя до сих пор не выперли! Работать он пошёл бы! Да ты бы до обеда не дотянул – уволился бы! Раньше хотя бы армия была, а теперь ничего нет.

Семейное собрание раскалилось добела, покуда обсуждали выходку Дмитрия. Сам виновник домашнего совета сидел в предоставленном ему кресле и демонстративно придерживал обеими руками остаток отрезанной трамваем ноги. В то же время отделённая от своего хозяина конечность мирно почивала в морозильной камере поликлиники, куда её оперативно доставили после произошедшего инцидента.

Возоживление отрубленной руки или ноги давно стало обычной операцией, которую доверяли даже практикантам. Стоимость процедуры также была относительно невысока. По крайней мере, в некоторых случаях можно было отдать подаренный на день рождения телефон, и тебе могли приделать обрубок к культе в тот же час. Правда, без соответствующего оформления, потому что информация о таких операциях носила открытый характер, и о приключениях своего отпрыска могли узнать родители. Некоторым из молодых людей предание огласке их подвигов было ни к чему.

Дмитрию же и в голову не пришло отдавать что-то своё, чтобы ему сделали операцию втайне. Он и не стеснялся вовсе произошедшего и, кроме того, искренне жалел расставаться со своими гаджетами, когда родители могли преспокойно выделить нужную сумму, тем более что для них она не представляла какого-то значительного обременения. К тому же – не впервой ведь! Раньше-то они исправно платили за его оторванные пальцы, отрезанные уши и за отшитие лишней пришитой руки во время очередной попойки. Но теперь они вдруг заняли оборонительную позу и решительно отказались финансировать возвращение своему сыну-непоседе ноги. «В следующий раз будешь думать» и «пора это прекращать» – таковы были некоторые из доводов, объяснявших их позицию. И сейчас Дмитрий негодовал гневом праведного, как ему казалось негодования, не в силах понять, отчего родители его стали настолько жестокими по отношению к нему.

– Так, и что? Вы отказываетесь оплатить мне операцию? – бунтовал он.

– Да, сын, ты всё правильно услышал и понял! – объявлял ему отец. – Мы не будем платить. Сколько можно? Это какая уже, десятая операция? Ты сам-то помнишь, сколько их у тебя было? Хорошо ещё – голову ни разу не терял!

Тут надо заметить, что возвращение головы было наиболее дорогостоящей операцией. Стоимость её могла превосходить цену новой квартиры, поэтому голову никто старался не терять. Кроме того, для нормального восстановления пациента требовалось, чтобы голова была помещена в морозильную камеру скорой помощи не более чем через пять минут, а операция по соединению артерий – не позднее чем через десять минут после полного либо частичного отсечения. В тех же случаях, когда голова оказывалась вдали от тела либо не было возможности соединить по любой другой причине, требовалась специальная стационарная установка, имитировавшая процессы жизнедеятельности человеческого организма. Аренда такой установки могла обойтись в половину стоимости операции. Поэтому, в условиях недостаточно

развитой хирургии головы, все дорожили этим важнейшим членом тела и предпочитали терять голову исключительно иносказательно.

– Для полного комплекта только этого не хватало! – продолжал тираду отец Дмитрия, Павел Александрович. – Ты хоть представляешь, сколько денег мы отвалили в счёт твоих проделок! Ты думаешь, у нас резиновые кошельки?

– А разве нет? – язвительно вставил Дмитрий, который чувствовал себя преданным, сидя с обрубок вместо ноги в окружении людей, которые отказывались ему помочь.

– Помолчи! – приказал Павел Александрович, но сын его не послушал.

– Разве не так? Или для вас инвестиции в недвижимость важнее сына? Действительно, у нас так много родственников, – Дмитрий стал пародировать отца, – у всех дети, всем нужны квартиры, давайте возьмём очередную ипотеку!

– Да замолчишь ты или нет! – взревел Павел Александрович. – Ты, что ли, все эти кредиты выплачиваешь? Ты только на всём готовом живёшь! В двух комнатах квартируешь, с отдельным входом! Завтрак, обед и ужин чуть ли не в постель тебе носят! Институт оплачивают. Автошколу оплатили – ты только экзамен сдай! Сколько раз ты уже заваливал? три? четыре раза? А все вокруг только: «Митенька! Любимый наш, дорогой! Вот тебе игровая приставка, вот тебе карта на одежду, вот телефон, камера и велосипед!». И всё самое дорогое, лучшее любимому Митеньку! А ты что в ответ? Какая благодарность? Руку сломал, ногу оторвал, велосипед разбил, камеру потерял! Что сказать – примерный сын! Гордость семьи! Слышишь, семья?

Тут Павел Александрович патетически взмахнул рукой, обращаясь ко всем присутствующим:

– Вот перед вами семейная гордость! В веках оставит нашу фамилию! Потомки вспоминать будут с восхищением и благоговением... Так ты себя считаешь?

Отец подошёл вплотную к сыну и, глядя ему прямо в глаза, выставил пустую ладонь, как обычно её подают, чтобы помочь встать.

– Так ты себя оцениваешь? Конечно, ведь ты достиг больше всего среди нас. А мы – пустые болваны, которые тебя окружают. Мы ничего не понимаем, мы старые брюзгливые тихиходы, у которых не было молодости и сейчас нет настоящего и будущего. У нас вместо душ – пустыня. Зато у тебя, видимо, – густыня талантов, эмоций и переживаний. Настоящий гений! Шиллер современной жизни!

Павел Александрович отступил на шаг, а после и вовсе зашагал по зале.

– У нас, ты говоришь, мысли только о деньгах и квартирах. Ну а ты, ты-то что в жизни заработал? Ты хотя бы на один из твоих подарков заработал? Ты только высасываешь из нас! Уже квартиру высосал, которую мы давно могли бы тебе купить – живи не хочу! Только как бы ты коммунальные счета оплачивал? Никак! Только бы с друзьями гулял и у нас на шее по-прежнему сидел! Всё, баста! На свою ногу, будь любезен, заработай впервые сам! Это моё последнее слово.

И Павел Александрович покинул огромный ковёр, служивший ему трибуной, и сел в свободное кресло в углу комнаты. Никто не ожидал настолько резкого исхода. Конечно, все заранее знали, что это условие будет поставлено – заработать на свою ногу самостоятельно. Но даже Мария Алексеевна, мама Мити, не могла представить, что его отец и её муж, то есть Павел Александрович, способен высказаться настолько откровенно, безжалостно и ультимативно.

– Что ж, – она неловко встала со своего места и продолжила голосом мягким и вкрадчивым, словно боялась спугнуть достигнутое, – если ни у кого нет, что добавить или возразить, то собрание, наверно, можно закрывать... Спасибо, что пришли, что поддержали...

– Мама! – не выдержал Митя. – Мама!! Как так – «поддержали»? Ты что, с ними заодно? Ты позволишь им вот так разойтись? Не договорившись, как мы будем собирать на операцию?

Он хотел было продолжить, но Павел Александрович перебил его и отрезал:

– На операцию ты заработаешь сам. Никто из нас тебе не будет помогать деньгами. Ты соберёшь нужную сумму, до последней копейки, самостоятельно.

– Но мама! – Митя апеллировал к Марии Алексеевне, но та промолчала и виновато отвела взгляд. – Мама, как ты могла?

– Я совершенно не понимаю, – повысил голос Павел Александрович, – какая из букв в слове «сам» тебя непонятна? Тут их всего три – эс, а и эм: сам!

И отец Мити просвистел это слово, едва ли не секунду протянув звук «с». Виновник собрания опустил руки и взгляд и под тяжестью обстоятельств глядел вниз печально и оскорблённо. Павел Александрович развернулся и вышел из зала. За ним тихонько, как гейша, ласточкиным шагом пропорхала Мария Алексеевна. Вслед за родителями потянулись и все прочие. Наконец, когда вокруг Мити не осталось никого, приотворилась дверь и внутрь прошмыгнул Дмитрий Фёдорович, который вчера отпраздновал день рождения. Он подошёл к Мите, взял его за плечо и сказал:

– Митенька! Послушай моего совета! Если тебе он покажется странным, – предупредил четырежды прадед, – не удивляйся, ты не ослышишься!

И Дмитрий Фёдорович заартикулировал, как бы боясь хотя бы звук произнести неправильно или двусмысленно:

– Не принимай ни от кого помощи, а сегодня же покинь этот дом и не возвращайся сюда, пока не вернёшься с заработанной на свои деньги ногой!

Митя, действительно, не понял, всё ли верно он расслышал. В столбняке уставился он на престарелого родственника и не мог ответить ни слова. В этот момент в руку Мите легла картонная карточка, на которой было написано: «Гостиница “Котлас”, номер 1953, выселиться до 12.00».

– Здесь ты сможешь сегодня переночевать, только не забудь предупредить родителей запиской. А завтра ты должен стать взрослым, пора!

Дед хлопнул Митю по плечу и немедленно направился к выходу.

– И ещё, – не дал он правнуку опомниться. – Если кто-то наглый или дерзкий попробует тебя ограбить, обмануть, оскорбить – пусть лучше он выбьет тебе все зубы, но ударить его ты должен первым.

С этими словами прадед исчез, а внук ещё некоторое время сидел молча и неподвижно, уставившись на узор паркета. Затем словно бы вышел из спячки, проверил на телефоне, сколько у него на счету, и вызвал такси. Через пять минут Дмитрий скрылся из дома, оставив на комодке записку «Прощайте, родные!» и снятый с брелока ключ от входной двери.

– Пора уже встать взрослым? – вслух, но негромко спросил у самого себя Митя, выйдя под морозящий дождь. – Что ж, может, это и будет круто...

Он доковылял с костылём до такси и уехал в ночь.

Встреча

Дмитрий не спал всю ночь. Он приехал в гостиницу около полуночи и битых два часа топтал паркет номера, выходил на балкон и даже хотел прогуляться по улице, но постеснялся лишний раз засветить обрубков ноги. В третьем часу он заставил себя лечь, но сон упорно не шёл. Задремав на минутку, он вдруг дёргался, просыпался и поворачивался на другой бок. Глядел в далёкие огни ночного города и вновь старался забыться. И вновь его дремоту распугивали машинистка трамвая, суровый отец или хирург, кладущий ногу в медицинский рефрижератор.

Так прошла долгая и трудная ночь. Митя задремал лишь в седьмом часу утра, когда на улице давно было светло. Ему удалось немного поспать, но в десять он вдруг проснулся и больше не мог с собой ничего поделать. В конце концов он решил не дожидаться полудня, когда должен был съехать, собрался и заковылял в фойе.

Из головы никак не шла фраза деда, что пора стать взрослым. «И как это? – думал про себя Митя. – Остаться в девятнадцать лет без помощи родителей? Найти в один час жильё, на которое они копили десятки лет? А есть на что, бомжевать?». В этот момент он как раз отдал у стойки администрации ключ и направился к выходу под прицелом нескольких пар назойливых глаз. Впрочем, он ушёл, и вскоре сотрудники забыли безногого посетителя, потому что повидали на своём веку всякого.

Парень, между тем, понял, что за прошедший день ничего не ел, только пил, так как кровопотеря вызывала жажду. Но теперь чувство голода и слабости резко накатили на него, и Митя решил зайти в магазин. На улице на него, конечно же, обращали внимание, но не слишком долгое. В жизни случается всякое, и некоторые неделями ходят увечные, пока не получают на работе жалование или не займут у кого. Поэтому на Дмитрия смотрели не иначе, как на бедного студента.

Впрочем, идти было нелегко. Доковыляв до входа в супермаркет, Митя остановился и облокотился о поручень. Так он простоял с минуту, подышал, посмотрел вокруг и вошёл внутрь. В магазине, на удивление, оказалось весьма много народу. Поэтому когда он набрал скудную корзинку продуктов, оказалось, что во всех четырёх кассах стоит по внушительной очереди. Митя встал в ту, которая показалось ему меньше. Он хотел выбрать по красоте кассирши, но из-за толпы не смог толком рассмотреть ни одной из них.

«Подойду ближе, – осенило его, – тогда и смогу разглядеть хорошенько! Если моя окажется самой красивой – решено: взрослая жизнь, и пойду скитаться по друзьям. Если же нет... ну, впрочем, подождём!». И с этой мыслью он двигался мелким шажком вперёд. Вероятность один к четырём в пользу скитальческой судьбы тщательно скрывалась его подсознанием, потому что в глубине души он, конечно, хотел домой. И попадание не к самой красивой работнице косвенно подтвердило законность его права жить у себя дома. Но то, что ему открылось, заставило забыть обо всех договорах с совестью.

Через поредевшую очередь стала видна девушка за кассой. Но девушкой она была разве что по возрасту. Окаменевший, как перед драконом, Митя заметил перед собой упитанную, с мясистым отталкивающим лицом... сотрудницу, с бородавками и чёрными усами. Может быть, только на долю секунды Митино сознание посетила шутка «никогда не делайте девушке комплиментов по поводу усов, даже если они очень красивые». Но в тот же миг визуальный ряд напрочь стёр афоризм, оставив ступор и невозможность отвлечься, убрать взгляд, пошарить руками по полке с жвачками. Митя уставился на кассиршу, словно бы перед ним из-под земли появилось чудовище.

Все очереди, между тем, поредели одинаково. Видимо, случился какой-то полуденный наплыв покупателей. Так что Дмитрий мог спокойно переместиться в конец любой соседней. Но он застыл, как вкопанный, и лишь по мере продвижения перед ним покупателей переставлял целую ногу и костыль. Когда он немного пришёл в себя, то мысленно объявил: «Видит Бог: попалась бы самая красивая – точно уехал бы на край света! Хоть в отстойник! Но, значит, не судьба». И он покорно следовал по неизбежному пути и уже представлял, как родители, в слезах и с распростёртыми объятиями, ждут его дома.

Перед Митей остался только один человек, когда кассиршу пришла сменить её напарница. Парень в этот момент о чём-то сильно задумался, уставился на монтажников, менявших на улице вывеску на рекламном щите, но боковым зрением видел и головой осознавал происходящее. Но когда он наконец эту самую голову повернул – изумлению его не было предела. Перед ним оказалась невиданной красоты девушка, о которой он и во сне мечтать не мог. Митя влюбился моментально, и единственное, что не позволяло ему заявить об этом прямо сейчас, – данное обещание. Он теперь отчётливо понял, что обязан ехать в отстойник, потому что перед ним сидела самая

очаровательная, милая и обворожительная девушка на свете. «Анна Байльшмидт» – прочёл он на её бейджике.

– Немка! – восхищённо, но шёпотом выдохнул он. В эту секунду она отпустила крайнего покупателя и посмотрела на Митю. Он глупо кивнул и не смог просто поздороваться, потому что в горле у него пересохло самым неожиданным образом.

– Пакет нужен? – улыбнулась она ему.

– Да, – выдавил из себя Митя и прокашлялся, – маленький.

«Дурак! – обругал он себя мысленно. – Мог бы сказать «будьте так любезны» или весело как-нибудь – «уговорили»! Нет, надо было ляпнуть про маленький. Что она теперь будет вспоминать, что при первой встрече я так сказал? Охозня».

Девушка в это время отпустила покупателю пакет и пробивала нехитрую снесь, которую Дмитрий успел набрать. Он же пожалел, что набрал так мало, потому что очень хотел полюбоваться красавицей чуть дольше. Впрочем, за ним успели встать несколько человек, так что любоваться было особенно некогда. К тому же попутно нужно было складывать товары и отсчитать деньги из кошелька, чтобы расплатиться. В этот же момент, совсем уж нехитро, зазвонил телефон, который Дмитрий моментально сбросил, едва увидел на экране словосочетание «Серый кардинал». Параллельно кассирша назвала сумму и быстро отсчитала сдачу.

– Спасибо за покупку, приходите ещё! – заключила она и вновь улыбнулась.

– Спасибо! – вяло и как-то несобранно ответил Дмитрий и сам же себя за это наказал. На выходе он незаметно, но весьма сильно ударил себя по ноге. Потому что опять же мог ответить «обязательно» или «спасибо за приглашение», но не вот это раскоординированное спасибо, как говорят пациенты под действием лекарств.

Под знаком разочарования в себе молодой человек проковылял пешком целую остановку. На всё это время голод словно бы пропал, а его место заняли тягостные мысли о собственной неповоротливости и неумении разговаривать с незнакомыми девушками. Митя корил себя весь путь. Данное самому себе обещание теперь тяготило его, и настроение оказалось испорченным. Дмитрий походил на приговорённого к наказанию, который сам должен дойти до места исправления. Парень шагал медленно. Действие обезболивающих прекращалось, и нога начала ныть. И как же хотелось, чтобы кто-то из друзей или родственников подъехал к нему сейчас, забрал и увёз – неважно куда, лишь бы самому не тащиться по обрамлённому солнцем бульвару, который в другое время обрадовал глаз своим райским видом.

«Наверное, исполнение принятых решений и есть признак зрелости, – размышлял про себя Дмитрий. – Значит, надо просто сесть в автобус и уехать в этот грёбаный отстойник». Заодно его тешила мысль, что родители – когда узнают, какой ужас пришлось пережить их чаду, – повинятся и станут ещё более внимательными и щедрыми, чем раньше. Иначе и быть не может, если верить рассказам об этом отвратительном месте. Митя укрепил решение сознанием будущих тягот и лишений, которые он там перенесёт, и пропорциональными наградами за героизм. И сел на остановке в ожидании автобуса, который увезёт к калекам с изувеченными телами и душами.

Отстойник

Отстойником назывался район на окраине города, где лет десять назад начали строительство нового микрорайона. Но работы вскоре заморозили, и вместо многоэтажных домов, детских садов, школ и развлекательных центров осталось несколько недостроенных зданий. Недалеко отсюда власти открыли бесплатный реабилитационный центр, который быстро привлёк подонков общества возможностью прокапаться, поесть или просто переночевать. Многие, кто успел потерять или никогда не имел жилья, поселялись в тех самых

заброшенных зданиях. Так на окнах появились заслонки из фанеры, а внутри – перенесённые с помоек ковры, мебель, посуда и старая бытовая техника.

Надзорные органы давно перестали устраивать здесь облавы. Потому что взять с поселенцев было решительно нечего, а каждый раз перегонять их с места на место невыгодно. Лучше держать такую свору под наблюдением. Тем более что о каждом втором крупном преступлении в городе здесь кто-то что-то слышал и мог поделиться сведениями, лишь самому не получить очередной срок. Впоследствии отстойник – так его стали называть горожане, а ещё раньше, возможно, сами насельники – превратился в маленький городок со своими законами, правилами и обычаями.

Откровенно криминальных элементов здесь было мало. Настоящий преступник не соглашался опуститься до уровня отстойника. Местные же, которые совершали серьёзные преступления, быстро осуждались и переводились в колонии. Поэтому основной контингент составляли просто опустившиеся люди, которым негде было жить. Воровали они по-мелкому, кормились больше грошовыми махинациями, объедками и подножным кормом в виде испортившихся продуктов, выбрасывавшихся за соседним торговым центром. Жили здесь и откровенные цыгане. Нищета и тяга к кочеванию не позволяли им обрести собственным жильём, нормальной семьёй и работой. Поэтому они селились здесь, но надолго, впрочем, не задерживались и уезжали в другой город.

Городская молодёжь воспринимала отстойник и её жителей романтически. «Отстойники» представлялись им первым поколением Вудстока – свободными и беззаботными гражданами планеты, которые плюют на нормы закостеневшего в жажде наживы и ложной морали общества. Самые смелые даже совершали туристические поездки в отстойник. Но, возвращаясь, рассказывали больше о грязи, выброшенных из окна прогоревших креслах и нищих людях, сношающихся иногда прямо на ступеньках недостроенного подъезда. Пикантные детали закрывали от слушателей главное – что никто из

них не хотел бы себе такой жизни. Зато перчинка всегда оставляла такое послевкусие, будто отстойник – место для свободных и независимых людей.

Стоит оговориться, что многие вполне взрослые и самостоятельные, но бедные люди попадали в отстойник по необходимости, в силу обстоятельств, а вовсе не для того, чтобы прожить здесь несколько лет и умереть от холода суровой зимой. Приезжие, сироты, освободившиеся из тюрем малолетки часто поселялись здесь, чтобы переждать время. Найти заработок, жильё. Даже некоторые иногородние студенты, после выпуска терявшие комнату в общежитии и не имевшие своего угла, жили в отстойнике лето. Пока не находили работу и не переезжали в съёмную квартиру.

Из места сброда нищих отстойник, таким образом, с течением времени превратился в своего рода бесплатное общежитие бедноты. Школьник, которого родители выгнали из дома, не вызывал у местных обитателей удивления, если он приходил сюда пережить ночь. Молодые люди с отрубленными руками и ногами, терявшие работу и, соответственно, возможность оплатить квартиру, нередко переселялись сюда до лучших времён. Так что Дмитрий был отнюдь не исключением из правил. Решив переехать сюда по принципу «будь что будет» или «поживём – увидим», он понимал, что не сделает ничего нового ни в мировой истории, ни в летописи города.

Тем тягостнее ощущать, что ты всего лишь очередная жертва, которой предстоит пережить боль, позор и отчаяние. Так, должно быть, ощущают себя дети в очереди к зубному. Понятно, что все предыдущие страдальцы испытывают то же самое. Но почему и я должен страдать? Ведь могло же в моём случае всё обойтись, не болеть, чтобы не пришлось терпеть эти свёрла и иглы! О, эти проклятые молекулы, почему вы сложились именно таким образом!

Дмитрий ощущал себя очередной жертвой. Очередным невинным заключённым, которому предстоит пройти годы страданий. Правда, в каком-то смысле это была добровольная каторга, поскольку он мог устроиться на работу,

оплатить лечение и зажить самостоятельной жизнью. Но на тот момент Дмитрий осознавал, что отчего-то обязан поступить именно так, как он решил. Тем более уехать в отстойник его обязывала красавица Анна, которая никак не уходила у него из головы.

В воспоминаниях и фантазиях о ней Митя провёл практически всё время до приезда автобуса. Каждые полчаса от ближайшей остановки отправлялись бесплатные маршрутки до торгового центра «Кипарис», от которого до отстойника можно было дойти пешком. Дорога заняла бы каких-нибудь полчаса, но сейчас Дмитрий понимал, что без ноги ковылять ему придётся очень долго. Впрочем, торопиться ему было некуда. Даже приятно было почувствовать, что пока ты медленно пускаешь свою жизнь под откос, родственники уже успели, конечно, опомниться от своих зверств, но найти его, страдальца, смогут разве что на самом дне, какое только возможно представить в случае его падения.

Автобус подъехал к остановке и открыл двери. Ожидавший его народ повалил в салон, и Дмитрий удивился, что его никто специально не пропустил. Его, конечно, не толкали и не опережали в очереди, но в целом относились как к себе подобному. Парень не без труда поднялся по ступенькам и сел на ближайшее свободное место. Водитель подождал ещё пару минут, закрыл двери и отправился в путь.

Дорога заняла не более получаса. Светило тёплое летнее солнце, облака плыли по небу, а деревья шелестели листьями на ветру. Всё в природе пело и расцветало. Радость наполняла окружающий мир, вызывая спокойное умиление доброты. И только Дмитрий ощущал, что с каждой остановкой он отдаляется всё-таки от светлой и привычной жизни, каковою жила его семья, и приближается к миру неизвестному, но, скорее всего, тёмному и безутешному.

Неизбежное наступило, и автобус прибыл на конечную станцию. Все пассажиры вышли, и последним нехотя спустился Дмитрий. Волна эйфорий – от сказанного вчера дедушкой, от увиденной сегодня Анны – сменилась

печальным застоём и затишьем. Идти не хотелось никуда. Хотелось сесть на скамейку и просидеть столько дней, чтобы его, наконец, нашли и отвезли обратно. Вокруг все давно разошлись, и по инерции толпы Дмитрий заковылял в сторону торгового центра.

Он зашёл внутрь, почти час побродил меж стеллажей, купил себе воды и мороженого. И идти дальше, в общем-то, не торопился. Но чем дальше Дмитрий бесцельно слонялся по залам, тем больше угнетала его мысль, что он просто трусит и откладывает момент, который должен наступить. Огонь долга жёг его изнутри. Впрочем, этот огонь был сродни тому чувству, когда ты хочешь подойти познакомиться с девушкой, но цепляешься за любую отговорку и задержку. Но в глубине души ты прекрасно понимаешь, что просто боишься и что настоящий мужчина *обязан* переступить эту черту, несмотря ни на что. Когда жар стыда стал жечь Мите пятки, он решил взять себя в руки и направиться прямо в отстойник.

Путь оказался неблизок. Дмитрий полагал, что в своём состоянии смог бы добраться до отстойника за час, но дорога заняла едва ли не втрое больше. Солнце уже склонялось к вечеру, когда страдалец вступил на презренную территорию. Поначалу никто из обитателей, которые копошились на улице и, казалось, везде вокруг, не обращал внимания на пришельца. Дмитрий встал недалеко от большого котла, представлявшего собой, видимо, центр дворовой жизни. На огне варилась похлёбка, здесь же жарили хлеб и сосиски, пили пиво из пластиковых стаканов и ссорились как бы между делом, больше по привычке, чем из-за обид.

Наконец, Дмитрия заметили. К нему выдвинулось двое парней, ещё моложе его. Они спросили, кто он и зачем пришёл. В их наглой манере держаться казалось больше любопытства, чем желания обидеть или унижить. Парламентёры изучали пришельца, старались понять, что за птица попала к ним в раскрытую настежь клетку. Дмитрий, хоть и страшился неизвестных порядков, отвечал уверенно. Рассказал об отрубленной ноге, о долгой дороге

сюда, о родителях, которые отказались от собственного сына. Об их благосостоянии он, впрочем, умолчал, поскольку данный факт мог оказаться невыгодным ему в сложившихся обстоятельствах.

Туземцы выслушали гостя и приняли радушно. Дмитрия провели к очагу, угостили закусками и дали отведать пива, которое показалось ему ужасным пойлом. Спустя некоторое время один из обитателей отстойника вызвался добровольно показать новичку территорию и повёл в ближайший корпус. В недостроенной девятиэтажке проводник предложил пустовавшую комнату, в которой, впрочем, была кровать без матраса и протёртый до дыр диван без ножек. Эта мебель, видимо, не потребовалась никому из нищих поселенцев отстойника, так что можно понять, в каком состоянии находились указанные предметы интерьера.

Вновь прибывший не без вздоха сожаления согласился поселиться здесь. Тогда провожатый пожелал хорошо обустроиваться и оставил Дмитрия одного. Впрочем, располагаться пришлось недолго, потому что все вещи, составившие скарб беженца, уместились на покосившейся табуретке. Сидеть на ней было невозможно по ветхости, поэтому её никто не присвоил. Но почему её не направили на дрова, Дмитрий тоже понять не мог. Он ещё не успел хорошенько оглядеться, как на входе показался мужчина лет тридцати. Митин проводник указал на будущую жертву пальцем и растворился в пролётах. А будущий истязатель – это было видно по взгляду – переступил порог.

– Что ж, здравствуй! – начал он. – Деньги, ценности есть? Кредитные карты? телефон?

– А в чём дело? – не стушевался Дмитрий, по крайней мере, в том, что не ответил на поставленный вопрос.

– Ты глухой? – продолжил вошедший. – Я спрашиваю: что у тебя есть?

В этот момент из-за стены появилось ещё несколько лиц. Проводник, видимо, позвал их ради интереса узнать, что будет.

– Что у меня есть – моё! Для чего спрашиваешь? – сердце Дмитрия бешено заколотилось, когда он заметил в руке грабителя кастет. Однако отвечал, как должно.

– По ходу, ты немного туповат, – сообщил мужчина. – Выкладывай всё, что есть, и я тебя не трону.

– А ты попробуй, тронь! – Митя сам удивился дерзости, с которой он ответил человеку, который, по всей видимости, мог один справиться с дюжиной таких, как он.

– Ты, калека! Тебе и одной ноги много? – поинтересовался тот, и из кастета вымелькнуло лезвие ножа. После этого он подошёл к дивану, взял сумку Дмитрия и достал оттуда телефон. Всё произошло в мгновение ока. Воспользовавшись тем, что мордovorot повернулся к нему спиной, Митя схватил табуретку и с грохотом опустил её на короткостриженую голову негодяя. Ножки разлетелись во все стороны, но одна осталась у Дмитрия в руке. С ней он и застыл в ожидании продолжения.

Грабитель повернулся, сложил нож обратно в кастет и спрятал в карман штанов. Затем замахнулся и со всей силы ударил Дмитрия в лицо. Парень свалился и на долю секунды потерял сознание. Когда он открыл глаза, невероятная темнота разноцветными искрами заиграла вокруг. Затем прямо перед ним оформился прежний кулак и зарядил ему последовательно в челюсть, нос и висок. Кровь из носа потекла по носоглотке Дмитрию в горло, он начал захлёбываться, кашлять и испачкал лицо избивавшего. Тот взял паузу, решая, что делать с «ублюдком», как вдруг получил элегантной женской ладонью, но увесисто и смачно по уху. От удара мужчина отлетел в сторону, а знакомый голос приказал:

– Пошёл вон, придурок! Телефон положил и пошёл отсюда!

На удивление здоровяк послушно и молча удалился. Но Дмитрий торжествовал по другой причине. Он не мог видеть своей спасительницы из-за

образовавшейся гематомы, зато он узнал её голос. Не могло быть сомнений, что перед ним сейчас находилась не кто иная, как Анна Байльшмидт.

Собрание зрителей моментально растворилось, а на удивление покорный нападавший спешно ретировался из комнаты. Девушка подошла к Дмитрию, и тот теперь смог увидеть её прекрасное лицо. Анна достала из сумочки салфетку и приложила к носу побитого, чтобы остановить кровь.

– Я тебя узнал, – сообщил Митя, пока Анна посадила его и запрокинула ему голову назад. – Мы виделись сегодня в магазине. Я Дмитрий.

– Утром ты не был таким словоохотливым. Или тебе нужно разбить кому-нибудь голову, чтобы завести разговор? Лихо ты его. Я, честно говоря, не ожидала...

– Честно говоря, я и сам не ожидал, – признался в пылу откровенности Дмитрий. – Просто не люблю хамов, которые вот так нагло диктуют свои условия.

– Да? – не без сарказма уточнила девушка. – А если бы я его не остановила? У тебя был какой-то дополнительный план?

– Я сделал, что должен был, – подумав, философски ответил Дмитрий. – А ты ведь так и не сказала, как тебя зовут!

– А то ты не знаешь! – рассмеялась Анна. – Я тебе как девушка скажу: нельзя так долго пялиться на бейджик! Ты что, по слогам читаешь? А если ты смотрел на грудь, то это и вовсе неприлично!

Она достала бутылку с водой, полила немного на ссадины на Митином лице и обработала их новой салфеткой. От боли парень неприятно скривился, но все процедуры вынес стойко.

– Как тебя вообще занесло сюда? – с удивлением спросила Анна. – Ни за что не поверю, что у тебя нет денег на ногу.

– Нет, конечно, иначе бы я её пришил обратно! – наивно ответил Дмитрий.

– Ну, у тебя-то нет, это понятно! – как нечто само собой разумеющееся признала Анна. – Впрочем, у родителей наверняка есть. По всему видно, что ты не из бедной семьи. Значит, вы поссорились, и ты ушёл из дома.

Анна повертела лицом Дмитрия, словно то была кукла. Парень хотел перебить её, так как ему особенно неприятно было слышать пересказ его истории в столь упрощённом и обычном, что ли, варианте. Однако в глазах девушки загорелся огонь мысли, как будто она разгадывала сложную шараду, и Митя удержался.

– Ты сегодня пойдёшь с нами на эвдемоналию! – торжественно объявила Анна.

– На что? – переспросил Митя.

Девушка взглянула ему в глаза, словно оценивая, достоин ли её собеседник узнать тайну, и начала объяснять:

– Древние греки называли счастье эвдемонией. Дословно – «благой демон». Никогда не думал, что привычки и склонности могут быть не только вредными или плохими, но и благими? Музыкант, например. Он отдаётся познанию ритма, мелодии, аккорда и всего прочего без остатка, так что превращается постепенно в музыкального гения. Он, как наркоман, только направляет удовольствие не в вену, а в уши. Прослушивание раритетной записи контрабаса, приобретённой им в лавке старьевщика в обмен на пальто, может доставить ему больше удовольствия, чем всё золото мира. Такие люди, надо признать, страдают в других областях – они одиноки, бедны и так далее. Это, конечно, не обязательно так, и среди величайших композиторов или исполнителей встречаются и грамотные дельцы, способные всегда выручить прибыль. Но как бы то ни было – они глубоко зависимы! Разумеется, это лучше, чем зависеть от шприца, бутылки или перерезания горл маленьким девочкам. Но у всех нас есть свои демоны, и если главный из них благой, то греки как раз и называли это счастьем. А эвдемоналия, – поспешно заключила Анна, – это искусственно вызванная лихорадка счастья.

– Как это? – снова не понял Дмитрий.

– Правильнее всего было бы тебе ответить: сам увидишь! – снизошла до пояснений Анна. – Но чтобы тебя отчасти приготовить, скажу так. Представь, что перед казнью парфюмер растворяет флакон, все окружающие вдыхают его аромат, но не устремляются к объекту любви в порыве вожделения, а просто становятся невероятно счастливыми. У них могут болеть сердца, головы, почки и конечности, но они будут счастливы. Они могут только что потерять близкого человека, но счастье успокоит их, примирит. Не одурманит, а именно успокоит, даст им понять связь со всей вселенной. Понял?

– Мм, да. Наверно, – закивал Дмитрий, но по его глазам было видно, что он растерян.

– Ты не читал Зюскинда? – уточнила Анна, заподозрив худшее.

– Кого?

Анна вскинула брови и молча встала.

– Постой, постой! – подскочил за ней Митя. – Да, я много чего не читал и много чего не знаю, но это не означает, что я не могу понять!

– Сколько тебе лет? – спросила Анна, резко остановившись.

– Девятнадцать, – наивно и просто ответил Митя.

– Ты знаешь, что в твоём возрасте многие полководцы руководили армиями и побеждали народы. А что ты сделал к своим девятнадцати? Выпросил у родичей новый телефон? Разбил подаренную папой машину? Или хвалился друзьям фотографиями пьяных девушек, чьей беззащитностью ты воспользовался?

Дмитрий изменился в лице и заиграл желваками, как будто отряд миниатюрных великанов пытался пробить челюсти парня изнутри.

– Забери свои слова обратно, – сухо произнёс он. – Я никогда такого не делал. И что тебе позволило так подумать обо мне, богатство моих родителей? Ты поняла, что они живут в достатке, и решила, что все в моей семье утопают в наслаждениях и низости? Как ты видишь, я не стал делать никаких выводов из

того, что ты работаешь кассиршей в магазине, потому что само по себе это ни о чём не говорит. Может быть, ты и права, что я ничего ещё не добился в жизни. Но, по крайней мере, я переступил через черту. Я мог бы остаться в тёплом доме, но я выбрал уйти в неизвестность, где меня в первый же день попытались ограбить, избили и оскорбили. И последнее для меня неприятней всего. Я не буду скрывать: ты поразила меня своей красотой. Но красота не складывается из одной лишь гармонии черт. Чем я тебя успел обидеть, что ты так отзываешься обо мне? Тем, что не читал Зюскинда? Я его прочту, будь уверена, теперь – обязательно прочту. Я стану образованнее, чище, лучше. А ты останешься в той же упряжке: ругать тех, кто знает меньше тебя. Спасибо, что спасла меня от моего палача, без тебя он бы меня скоро вырубил, – Дмитрий посчитал нужным признаться и поблагодарить Анну. – Удачно сходить на вашу эвде... или какую там вакханалию!

Он развернулся и отправился прочь по коридору, обратно к той комнате, где произошла предыдущая сцена и начало разговора. Митя скрылся за дверным проёмом, когда Анна вздохнула и небыстрым шагом пошла за ним.

– Ладно, не обижайся! – проговорила она на пороге. – Извини, если обидела тебя. Я была не права. Выходи в десять к подъезду, я тебя проведу на встречу, хорошо? Ну, эй!

Она подошла к Мите и протянула ему мизинец, как мирятся дети. Парень, казалось, растаял и протянул свой в знак низложения обид.

– И ты меня извини!

– Ладно! – быстро согласилась Анна. – Ладно, мне пора! Если кто-то снова начнёт приставать или выпытывать, скажи: «Речь привела, к ней все вопросы!».

– «Речь»? – не понял Митя.

– Они поймут! Давай, до десяти.

И она вышла из комнаты.

– Посполитая? – предположил уже наедине парень, посчитав, после Зюскинда, что речь не может быть просто речью...

Эвдемоналия

Митя вдруг почувствовал, что ужасно устал, и прилёг на диван. Его быстро накрыл тяжёлый, свинцовый сон без видений. Пробуждение оказалось столь же незаметным. Парень открыл глаза и с удивлением обнаружил, что он до этого спал. Точно так же он не сообразил, что заснул, настолько впечатления и усталость дня свалили его с ног. Теперь же, проснувшись, он был в первую секунду уверен, что находится дома, в тёплой кровати, под защитой и заботой. Тем сильнее он расстроился, когда вспомнил, где он и что сегодня пришлось испытать. Так просыпаются со сладкой улыбкой, когда вдруг вспоминают, что вчера тебя бросила девушка. Должно быть, так просыпаются преступники, которые в чаду веселья что-то украли или нахулиганили. Их первая мысль при пробуждении может быть весела от приятных снов, но затем на них молотом опускается осознание всех вчерашних ужасов. Именно так очнулся Дмитрий.

Прежде всего он взглянул на часы. Была уже половина десятого. Солнце ещё не зашло, но на улице всё потускнело и померкло. Митя поднялся, словно бы за ним сейчас должны прийти стражники для проведения на казнь. Жутко гудела голова. Заплывший левый глаз открывался не до конца, потому что гематома успела разрастись и парень мог видеть её без зеркала. От боли ныл нос, беспокоила челюсть. Одним словом, не самый лучший день. Митя достал из походной сумки очки, надел их и посмотрел на себя в экран выключенного телефона.

С удивлением молодой человек поймал себя на мысли, что внешний вид, синяки и ссадины, опухший нос и лежащая в медицинском холодильнике в другом районе города нога – всё это, оказывается, может быть незначительным. Стойкость и выдержка перед лицом испытаний ценились теперь Митей несравнимо выше, чем целостность его собственного лица. Стойкость, мужество, следование долгу – эти высокие слова, слышимые им от перезрелых морализаторов, теперь вдруг явственно выступили перед ним как реальный

фактор человеческого достоинства, целостности, даже совершенства. «А что если я и в самом деле скверный мальчишка, который зря обиделся на весь мир? – подумал Митя. – Что если, действительно, для того чтобы стать взрослым, нужно вырасти? Преодолеть себя, превысить себя? Может быть, все эти испытания сделают меня сильнее, закалят меня? Гм, это верно, что перемена места рождает новые мысли. Может, я не случайно оказался здесь, но это вызов судьбы?».

С этими домыслами, иногда воспарявшими до прозрений, Митя умылся и собрался. Он не хотел опаздывать на собрание, а нога начинала доставлять всё больше неудобств. Видимо, действие анестетиков прекратилось совсем, и теперь болезненное гудение в обрубке превращалось в ноющую резь. Идти стало сложнее. Путь сюда, наверх, парень преодолел в какие-то пять минут. Сейчас же он торопился, но даже спускаясь, что было всё-таки проще, заметил, что движения даются ему с большим трудом. Наконец, примерно к десяти он вышел из подъезда.

На улице почти совсем стемнело. По крайней мере, освещение исходило уже не от последних лучей заходившего солнца, а от огромного костра, который развели прямо посередине двора между двух домов. Собрание напоминало цыганский табор. Вокруг даже не смеялись, а гоготали. Ссорились из-за жареного мяса. Плясали обнявшись. Даже бегали друг за другом, как малые дети. Складывалось впечатление, что все житейские заботы были словно изъяты сверху всемогущей рукой и теперь эти люди пели, танцевали, болтали без умолку. Но всё же печать глубокого, может быть, и хорошо скрытого, но несчастья клеймила собравшийся народ.

Они пели от горя и плясали от нищеты. И лишь общежитие оставалось им единственным утешением. Именно в совместном бытии они черпали силы для жизни. Они могли ругаться до драки из-за драной рубашки, но и ссоры представляли собой отображение их жажды жизни, всем вместе, в едином порыве несчастных душ. Зато тем веселей происходили праздники и собрания,

когда общая заброшенность, всеми оставленность, иногда даже просто потерянная надежда – сближала. Если бы чистилище существовало, то его предбанник выглядел, должно быть, именно так: пляшущие тени безвыходных душ. Что будет потом? – всё суета, в том числе и собственная участь, пускай бы и навечно.

Неожиданно толпа, и без того внушительная, стала пополняться новыми полками. Приходили жители соседних заброшенных домов, и казалось, что на импровизированной площади собралась добрая тысяча человек. Откуда-то появились гитары и бубны, в нескольких местах стали петь однообразные и монотонные песни. Через некоторое время, впрочем, ноги невольно начинали отстукивать ритм. За неимением одной Митя, сидевший на стуле недалеко от костра, совмещал прихлопывания целой ногой и руками.

Периодически меж собравшихся проходили своего рода виночерпии, только вместо вина они носили большие бутылки с пивом и наливали всем желающим. Попробовал и Митя. Пиво оказалось кислым и невкусным, но парень решил не обращать на это внимание и радоваться непонятному действию со всеми наравне.

Спустя полчаса песен, танцев и хороводов Анна подошла к оставленному ею протезе и сообщила:

– Ну что, готов? Сейчас начнём!

– Что начнём? – чтобы среди общего гомона Анна услышала, Митя едва ли не прокричал ей на ухо. – Что это будет?

– Сейчас увидишь! – только улыбнулась она в ответ и растворилась в толпе.

Совсем скоро некоторые люди начали вести себя странно. Они с невероятным восторгом смотрели на всё окружающее, касались руками других, знакомых и незнакомых, гладили и обнимали их и широко-широко улыбались, как будто сзади на черепе им стянули всю кожу в узел. Танцы приобрели особую ритмику, а танцоры словно бы чертили музыкальную мелодию прямо

по воздуху, невидимо для непосвящённых. Некоторые и вовсе падали прямо на землю и, невзирая на пыль, впивались глазами в закатные сумерки, как если бы небесная гладь была их родной матерью.

Митя видел таких людей в клубах и не мог не знать, чем вызывают подобные эффекты. Но в данном случае никто даже не был пьяным. Все вдруг стали эмоционально истончены, их нервы оголились и будто касались друг друга в струнном космическом экстазе. Спустя каких-то пять минут все вокруг слились в эйфорическом единстве, которое оказалось значительно большим, чем сумма составных частей. Такое единение Митя встречал разве что в самом конце концерта любимой группы, когда все подпевали словно одним голосом, держались за руки без учёта социальных различий и улыбались друг другу. Но и тогда эффект был не таким сильным. Сейчас же все словно превратились в семью. Даже не в семью, а в единый организм, в котором разнородные клетки не мыслят себя в отрыве от целого.

В этот момент подошла Анна. Она широко улыбалась и тепло обняла Митю.

– Дай мне телефон, я позвоню на свой номер, чтобы у тебя сохранился! – прокричала она ему на ухо.

Митя с удовольствием передал ей свой смартфон.

– Разблокируй! – снова прокричала она.

Парень повиновался и на этот раз. Происходившее действие поработило внимание Мити. Он жадно наблюдал за людьми, их эмоциями, действиями, жестами. Собрание, которое можно было с первого взгляда назвать сборищем бездомных, представлялось теперь внимательному наблюдателю ожившей сценой, настоящим театром, в котором нет игры – она полностью растворилась в удовольствии от неподдельной жизни. Люди пели, обнимались, водили хороводы, ели и пили во славу создателя и воздавали хвалу ему самой радостью от совместного бытия.

– Держи! – Анна протянула Мите телефон. – Я себя записала как «Аня Речь». Меня по имени вообще редко называют, но для тебя я сделала исключение.

Она мило улыбнулась.

– Почему «Речь»? – заинтересованно спросил Митя.

– Подожди секунду, – не ответила она, набирая что-то на своём телефоне.

– Потом объясню. А пока наслаждайся!

И она нажала кнопку. В эту секунду Митя ощутил первый прилив сил, бодрости, вдохновения. Он вопросительно посмотрел на Анну и вдруг поразился её невероятной красоте, хотя с самого начала считал её чрезвычайно привлекательной. Теперь же она выглядела просто восхитительно. И дело было не только во внешнем очаровании. Митя вдруг почувствовал, что между ними как будто возникла прочная эмоциональная связь. Парень поймал себя на мысли, что так бывает, когда очень хочешь девушку и это очень ощутимо телесно. Но сейчас эта связь обнажилась как гораздо более полная, словно они были знакомы тысячу лет. Митя смотрел на Аню и ощущал бесконечное родство, тождественность друг другу. При этом она не переставала оставаться той же девушкой, какой он впервые увидел её сегодня утром. Просто его восприятие стало более глубоким и рельефным.

Он посмотрел вокруг и с крайним удивлением обнаружил, что все окружавшие ему – родственники, настоящие братья и сёстры. «Как можно было злиться на человека, который случайно толкнул меня на улице? – поразился про себя Митя. – Я ведь даже хотел нагрубить ему, даже ударить... Уму непостижимо, стыд какой! С таким же успехом я мог бы ударить своего отца. Господи, прости меня!». Ощущение всеобщего человеческого единства накрыло Митю с головой. Более того, он почувствовал родство даже с неодушевлёнными до того моментами предметами. Растения, земля, камни, даже дома – всё это словно бы ожило прямо перед его глазами. Дом

представился ему вдруг грибницей, в которой живут люди-споры, но живо – всё! И насекомые, и искры костра – всё живое.

В какой-то момент он даже осознал, что вся наша планета – это голова Бога, а люди – миллиарды нейронов, которые рождаются и умирают, и нет в этом ничего страшного, ведь нет же никакой трагедии в том, что мы отсекаем волосы или ногти. Напротив, если бы волосы и ногти стремились прожить как можно дольше любой ценой – что бы это такое началось? Ходили бы все с трёхметровыми гривами, как лешие, страх, да и только! А так – пожил своё, умер, и нет в том никакой беды, наоборот, голова Бога обновляется мыслями и мир живёт дальше. Красота!

– Какие же убийства возможны? – удивился про себя Митя. – Это же невероятно просто! Тебя переполняет вселенская радость, ликование, мир! Но мир энергический, активный! Мир, в котором человек творец и брат другому человеку. И нет никакого другого, все мы одно!

– Да, да, так и есть! – ответил незнакомый мужчина, который смотрел парню прямо в глаза, улыбался широчайшей улыбкой и кивал в такт барабанам. Митя вдруг понял, что все его мысли ему только казалось, что он хранит их в молчании своей головы. Оказалось, он уже давно и подробно описывал свои ощущения благодарному слушателю, который соглашался и рассказывал своё в подтверждении Митиных слов.

– Как это странно, – подумал про себя Митя.

– Странно, невероятно, но так и есть! – вновь подтвердил незнакомец, и Митя понял, что все его мысли никак не удерживаются внутри и тут же обильным потоком изливаются в реку слов.

Митя осмотрел себя с ноги до груди, до рук. Всё его тело казалось ему прекрасным и гармоничным, даже несмотря на то, что в нём не хватало части. Новое удивление заключалось в невероятной энергии, которая бралась, кажется, из ниоткуда, точнее – из неиссякаемого источника, и незримо наполняла молодого человека изнутри, как жар от огня наполняет воздушный

шар. Митя чувствовал невероятный прилив бодрости. Хотелось петь, плясать, обниматься со всеми. Не было никакой боли, ни тягости или печали. Мир светился яркими красками. И невзирая на поздний час, всё окружающее переполнялось и искрилось особым светом, доступным для внутреннего зрения.

Время словно бы растворилось в празднике, исчезло, превратилось в нуль. Всё, что раньше характеризовало мир, – протяжённость, плотность, косность – теперь обвалилось, как труха с деревьев, спало, как истлевшие нити, более не способные держать ветхое платье мироздания. И под ним обнажилась истинная суть вселенной – бесконечной, притягательной, тёплой и неизмеримо родной.

Так бывает, когда ты влюблён. Мир преображается и радуется. Даже неприятности, чужая грубость и жизненные неурядицы перестают играть какую бы то ни было роль. Всё воспринимается чутким и чистым сердцем, способным с лёгкостью и изяществом преодолевать пакостное разделение вещественного мира. Но теперь влюблённость была вызвана не только или, лучше сказать, не столько девушкой (в чём, может быть, Митя ещё не отдавал себе отчёта), сколько неизвестным источником обильной радости. Парень даже и не подозревал, отчего вдруг ему стало так хорошо и легко. Даже нывшая и тяготившая нога перестала тревожить, и Митя порхал, как бабочка между опьянённых счастьем людей.

Он со всеми здоровался, знакомился, обнимался. И все отвечали ему взаимностью. Не было никакой вражды или недоверия, или пренебрежения. Все искренне радовались Мите, и он отвечал всем взаимностью. Праздник проходил под знаменем безудержного веселья, под чарующую музыку и совершенную беззаботность. Даже простой чёрный хлеб и дешёвое пиво казались амброзией, ведь вся еда и питье были дарованы Богом и принимались во славу Его. Действо вообще можно было бы назвать религиозным экстазом, но сами границы восприятия и терминологических рамок стёрлись, так что нельзя было отделить Создателя от творения, как сердце от крови.

В таком мистическом порыве, незаметно, но невероятно легко, прошла ночь. Первые признаки усталости Митя ощутил, когда уже взошло солнце. Многие разошлись по жилищам, но многие остались и продолжали танцевать и веселиться. За ненадобностью костры догорали и тлели, рядом с ними кое-где лежали тарелки с остывшим жареным мясом. Кругом валялся мусор – пустые бутылки, упаковки из-под чипсов, консервные банки и даже шампура со сгоревшими на огне сосисками. Вид последствий праздника, утренний смог и вялость оставшихся, как похмелье, обухом вдруг ударили Митю. Неожиданно во всей обстановке он увидел не отблеск царственного мироздания, а пустошь на краю города, с бездомными, которые празднуют лето, как могут, стараясь получить от жизни свой кусок удовольствия.

– Ну как ты? – раздался за спиной Анин голос.

Митя обернулся. Анна протягивала ему плитку шоколада.

– Спасибо! – принял он дар. – Нормально.

– Отходишь?

– От чего? – не понял парень.

– От счастья! – рассмеялась Анна.

– От счастья? – снова переспросил Митя. – Это как?

– Ты что, так и не понял? – улыбнулась девушка. – Ты присутствовал на эвдемоналии, и действие счастья теперь заканчивается. И, как всегда, когда заканчивается счастье, наступает время революции!

Революция

– Революции?

Митя слушал и ничего не мог понять.

– Я тебе сейчас всё объясню. Только сначала поставлю соответствующую музыку. – Анна стала перелистывать страницы в своём телефоне. – Вот, отлично подойдёт: Доктор Джон, «Революшн».

Она нажала кнопку, и из динамика раздались груды саксофонов и густой рокот неизвестного Мите проповедника от музыки.

– Доктор Джон всё правильно понимает и делает, я его обожаю! И уважаю. Но речь не о том. Речь...

Анна рассмеялась своим же словам. Митя поймал себя на мысли, не на препаратах ли она.

– «Речь» – это же моё имя! Сама ещё не могу привыкнуть, когда говорю «речь не о том» или «речь вот о чём». Но не в этом дело. Я тебе всё объясню. Но сначала вот что спрошу: ты не задавался вопросом, почему флешки так медленно прибавляют в объёме?

– Что? – Митя подумал, что ослышался. – Причём здесь это?

– Просто очень яркий пример, который позволяет показать, как нами манипулируют. И как можно анализом, силой интеллекта, додуматься и понять, что к чему в мире. Ну вот смотри сам, – и она откусила шоколад. – Появились флешки на один гигабайт – и все полгода ждут, пока появится на два. Затем ещё полгода они растут до четырёх. И так без конца! Мы же – рядовые покупатели – всё время вынуждены платить максимальные суммы, если хотим иметь самую новую и технически совершенную вещь. Но когда проходит год, то флешка на один гигабайт, за которую ты отдал две стипендии, – вообще ничего не стоит! Её можно взять за копейки. Неужели технологии так медленно развиваются?

Ты знаешь, что первая карта памяти, – она продолжала с удовольствием вкушать шоколад, – на которую можно было сохранить всего-навсего одну фотографию, занимала целую комнату! И потом она вдруг сжалась до половины спичечного коробка. Люди научились чуть не слова из атомов складывать, так что современному Левше пришлось бы подковывать кварки, – а сжать вдвое память могут лишь за год? Ты простофиля, если веришь в эти сказки! Всё из-за денег, и не из-за чего больше!

Она отломила плитку и протянула её Мите, когда он дожевывал свой кусок.

– Первые учёные, – продолжила Анна, – научились выращивать руки и ноги – ну, не отдадут же они свой секрет за гроши! Им нужно всё! И они берут всё! Но по мере того, как везде на планете научатся, как пирожки, выпекать сердца и лёгкие, – они перестанут что-либо стоить! Оторвало на стройке плечо? Поехал в обеденный перерыв и заменил, как сегодня колесо в автосервисе. Но пока секрет в руках кучки жадных подонков, такие операции не для бедняков, которые перебиваются с хлеба на воду. Богатые же готовы платить за всё!

Фольга от шоколада приятно хрустела в руках Анны, сама же она доедала последний кусок, получая от этого неподдельное удовольствие и не переставая при этом объяснять свою мысль:

– Раньше продавали телефоны по цене машин, сегодня – органы по цене квартир. Голову оторвало на оргии? Ничего страшного: десять миллионов – и новая на плечах! И после вчерашнего не болит! Ты только плати, дядя! Да ты, наверное, вообще не в курсе, как сегодня папеньки обеспечивают будущее своим отпрыскам. Раньше богатеи оставляли сыночкам миллионы – в виде недвижимости, вкладов, ценных бумаг, драгоценностей, наличных. Сегодня этого показалось им мало – они стремятся обеспечить не только безбедное, но и весёлое, жизнерадостное, оптимистичное существование для своих чад.

Ты же в курсе, что сегодня таблетки можно активировать, просто списывая средства на личном медицинском счёте. Болит голова – нажал кнопочку на мобильном, и программа активировала код, включивший в тебе механизм обезболивания. Мы же все сегодня интерактивны. Раньше нанимали телохранителей, сегодня – компьютерщиков, которые защитят твою сеть от взлома. Но если твоя защита надёжная, то вместо накопительства можно вкладываться в тонны антидепрессантов, которые обеспечат тебе долгие десятилетия радостной и беззаботной жизни.

Все богачи уже давно обеспечили себе этой радости на тысячу лет и переключились на детей. Раньше как хвастались богатством? «У меня на различных счетах семь миллиардов!». Сегодня же деньги как таковые не

играют былой роли, важнее то, куда они направляются и на что расходуются. Поэтому большинство воротил хвастаются годами счастья для себя и своей семьи: «У меня на медицинских счетах оптимизма на семь тысяч лет!». «А у меня радости на три!». Хорошее самочувствие стало новой валютой. И пока богатые бешутся с жиру, играя на биржах на изменениях курса рубля к счастью и счастья к палладию, – бедняки вынуждены месяцами жить здесь, лишь бы собрать крохи для восстановления отрубленной на работе кисти или отрезанной трамваем ступни.

Анна кивнула на Митину культу.

– Ты не удивился никаким новым ощущениям? Вчера вечером, может быть, что-то нахлынуло необычное, приятное, нет?

– Конечно! – настороженно подтвердил Митя.

– Вчера, после того, как я записала в твой телефон свой номер, я набрала сообщение со специальным кодом и активировала ощущение счастья во встроенном в тебя при рождении медицинском чипе. То, что ты ощущал последние несколько часов, – при всей вызванной эйфории, энергетическом подъёме и буйстве эмоций – не больше чем набор химических реакций, которые позволили тебе забыть о боли и слиться с окружающим миром в любви и единении. Что ты на меня так смотришь? Не веришь? Проверь свой счёт. Впрочем, не пугайся, ты стал беднее всего на пятьдесят рублей.

Митя не верил всему слышанному. Он достал телефон, проверил счёт. Действительно, списалась какая-то сумма. Он не помнил, сколько было вчера, но выходило очень похоже на пятьдесят рублей.

– Да! – продолжила Анна. – Целый вечер без забот и тягот, без боли и страданий, в отличном настроении, с раскрытием творческих способностей, личного потенциала и всего прочего – стоило тебе всего лишь пятьдесят рублей. Потому что это по нашему, внутреннему курсу. Если бы ты обратился в клинику, такая услуга стоила бы тебе тысяч пять, не меньше.

– Как это? Я ничего не понимаю.

– Да нечего тут понимать! – развела руками Анна. – Каждый получает удовольствие от определённых вещей. Кто от секса, кто от наркотиков или алкоголя, кто-то – от прогулок по парку или занятий спортом. Но во многом это зависит от привычки. В физиологии же всё примерно одинаково, одни и те же химические реакции, всем давно известные, кстати. Поэтому если раньше Евгений Петрович получал максимальное удовольствие от третьей рюмки яблочного дистиллята, а Элеонора Павловна – от нового поворота сюжета в любимом бразильском или турецком сериале, то теперь они могут испытывать те же ощущения с помощью телефона, просто отправляя нужные сообщения. Только проблема заключается в том, что те, кто разработал эти технологии, не хотят отдавать их миру бесплатно, а стремятся нажиться по максимуму. Представь, что кто-нибудь скупит весь аспирин и начнёт продавать его не по пятьдесят копеек за таблетку, а по сто рублей. И ведь люди будут покупать! Поэтому то, что ты получил от нас за пятьдесят рублей, воротилы предлагают в сто, в двести раз дороже!

Мы же, – таинственно сообщила Анна, – хотим передать народу то, что принадлежит ему по праву, – радость мироздания. Сегодня эта радость заперта в сундуках богачей, которые распродают её в тысячу раз дороже, чем она стоит. Но ты же видел, что способно сотворить счастье, распространённое всего среди сотни человек, – вселенская любовь и гармония, какие здесь преступления или социальные бедствия!? Невозможно. Представь себе, что станет с миром, когда счастливы станут все... Поэтому мы хотим открыть эти сундуки и раздать радость людям для бесконечной гармонии. В этом заключается наша революция, и я – *речь её!* – торжественно заключила она.

Заговор

Митя долго не мог поверить услышанному. Он, конечно, понял, что «речь» – это уста новой революции, её рупор, её призывный и разъясняющий голос. Но

махинации с ощущениями, счетами, интригами и открывшийся заговор группы людей никак не мог уложиться в голове Дмитрия.

– Значит, есть и ещё части тела? – уточнял он. – Если ты – речь, то должны же быть ещё голова, шея, руки?

– Они и есть, – спокойно подтвердила Анна. – У нас есть «кулак» революции, он вышибет зубы любому, кто встанет у нас на пути. И поверь, кулак у нас мощный, там серьёзные ребята. Есть «мозг» – идеолог движения, «ноги» – разносчики идей и устроители местных ячеек. А я «речь» – главный апостол, возвещающий нашу истину тем, кто готов её принять и последовать за нами. Впрочем, моё прозвище условно, потому что я стараюсь донести благую весть не просто словами, а от сердца к сердцу, чтобы люди восприняли её непосредственно. Вот как ты, например, с эвдемоналией. Смогла ли бы я всё это объяснить тебе словами? Поэтому я распространяю учение максимально эффективным путём. И вижу, что на тебя моя проповедь подействовала сильно.

– Но кем же в этой революции могу стать я? – как бы не обращая внимания на последнее замечание, спросил Митя.

– О, ты сразу хочешь вступить в наши ряды! – воскликнула Анна. – Скорый ты! А, может быть, мы тебя и принимать не захотим? И вообще – ты не задумывался, что есть какие-то испытания вступительные – кассу взять или чиновника застрелить? Ты готов к этому?

Митя поймал себя на мысли, что застрелить кого-то – это перебор, но вот «кассу взять» – такой романтикой повеяло от Аниных слов, что молодой человек, разумеется, был готов! Но вот только он скрыл от Речи, что способен на многое не ради или, лучше сказать, не столько ради идей, сколько ради самой Анны. Ещё вчера он рвал на себе волосы, что не смог заговорить с ней, а сегодня не только запросто общается с ней, но и способен завоевать её расположение деятельно. Тем более что в конечном счёте терять ему, действительно, нечего. Он и так находится в отстойнике, без ноги и без средств к существованию. Любое преступление можно будет оправдать

обстоятельствами: «среда заела», родители отвернулись и вообще – «преследовал благую цель, ваша честь, хотел помочь бедным, практически как Робин Гуд». И он бы и дальше представлял себя на скамье подсудимых, воображал бы плачущую мать, скорбящего отца и справедливый суд, в котором даже прокурор признаёт честные и зрелые помыслы «юноши бледного со взором горящим». Но нужно было отвечать на вопрос Анны, и Митя немедленно поспешил заверить её:

– Чтобы кого-то застрелить, нанимают специального человека, а я предназначен для большего. Вот, например, финансовые махинации – это моё. Первое место районной олимпиады по экономике – впечатляет?

– О, да ты бунтарь! – рассмеялась Анна.

– Ты смеёшься надо мной, – парировал Митя, – но сама же согласишься, что ограбить до нитки того же чиновника, его же руками, да так, чтобы он сам в конце застрелился, – разве это не эффективнее, чем самому марать руки? Или у вас пруд пруди ребят, которые своей головой могут доставать деньги из воздуха? Так что, может, я вам пригожусь, в качестве мозга, например?

– Ещё и карьерист! – съязвила Речь, но уже более сдержанно, поскольку слова Дмитрия звучали весьма убедительно. – Только мы таких ребят называем «пальцами». Знаешь, щипачи, шулера – у них весь мозг на кончиках пальцев. И ими они и умеют доставать деньги. Только не научены жизнью, как этими деньгами воспользоваться, но тут, к счастью, появляемся мы. Так что не выдумывай на свой счёт слишком многого. Хочешь вступить к нам – будешь скромным пальцем, мизинцем! – Анна снова входила в раж и почему-то непременно хотела ужалить Митю. – А то знаешь, сколько я повидала таких мальчиков, которые говорят много, а потом исчезают и на звонки не отвечают.

Дмитрий помолчал. Он смотрел Анне прямо в глаза, но без обиды и вызова, спокойно и уверенно. Совершенно некстати ему в голову пришла мысль, что Анна обязательно будет его. Эта мысль обожгла молодого человека,

но лишь на мгновение, поскольку он поторопился избавиться от него или скрыть как можно дальше. Нужно было отвечать по-деловому, и он рассудил:

– Ты права, дела должны идти прежде слов. Можно было бы и вообще без слов обойтись, без них не было бы речи – а, стало быть, понимания между людьми. Давай, для разминки, я предложу тебе следующий вариант. – Митя на секунду задумался и продолжил: – Мой отец управляет инвестиционными фондами. Среди его клиентов много пенсионеров, которые перечисляют в них свои накопления. По статистике, каждый пятый не доживает до того момента, когда он сможет распорядиться своими средствами. И тогда деньги переходят к толстосумам вроде начальника моего отца. Это огромные суммы, которые глупые люди добровольно передают хитрым.

Несмотря на то, что в подобные фонды обращаются десятки миллионов людей, ежемесячно, всё по той же статистике, закрывается порядка пятидесяти филиалов по всей стране. Бухгалтерская недостача в каждом из них может достигать десяти миллионов. На этом фоне накинутая сверху сотня не сделает погоды. А один мой друг, компьютерщик, умеет нажимать клавиши в правильном порядке, чтобы в каждом филиале информация о «лишних» ста тысячах появлялась, а до центрального офиса не доходила. В результате нужно просто подставить ведёрко, куда бы эти «соточки» падали. И такой счёт уже создан, у меня есть к нему доступ.

Мы баловались такими штуками по мелочи, чтобы не вызвать подозрения, накидывая по две-три тысячи. С пятидесяти филиалов выходило под сто тысяч, которые мы по-братски делили. Но если нужна крупная сумма – можно сразу повернуть крупное дело. Сто тысяч с каждого филиала – это уже пять миллионов. Нужно больше – можем накинуть, сколько потребуется. Но тогда лавочку прикроют. Нас не найдут, можешь быть уверена, но больше воспользоваться халявой мы не сможем. Ну как, хочется побаловать счастьем целый город? По пятьдесят рублей, – Митя быстро подсчитал в уме, – выходит сто тысяч человек. Неплохое подспорье для массовой революции, если у вас

есть другие накопления. Только тогда будете называть меня «пальцы Страдивари», а не какого-то там щипача-недоучки. Согласна?

Последние слова прозвучали как вызов. Но Анну они вдохновили.

– Согласна, – не сразу, чуть помедлив, но всё же ответила она. – Только ты сначала проверни дело и докажи, что виртуоз махинаций, тогда и посмотрим.

– Хорошо! Дай мне, – Митя взвесил в голове нужное ему время, – две-три недели. Может быть, всё получится и быстрее, но я не хочу никого обнадёживать, поэтому...

– Да, это разумно, – согласилась Анна. – Тем более что нам тоже понадобится время, чтобы подготовиться. Мы, конечно, давно планировали, но лишний раз всё просчитать не помешает.

– Значит, договорились?

– Договорились!

– Отлично! Тогда чем займёмся сейчас? – спросил Митя после небольшой паузы.

– Сейчас? – переспросила Анна и звонко рассмеялась. – Спать, конечно! Ты на часы смотрел? Уже рассвело давно!

И, действительно, был уже седьмой час утра. Митя вдруг снова почувствовал ноющую боль в ноге. Анна заметила это и помогла ему встать.

– Проводить тебя? – спросила она.

– Что!? – возмутился Митя. – Я сам хотел тебя проводить! Ты что, думаешь, я разучился ходить!

– О-о, – Анна расплылась в невольной улыбке, – мой рыцарь! Это, конечно, очень приятно и заманчиво. Но я и одна замечательно дойду до комнаты, а вот тебе придётся помучиться. Поэтому если ты столь же ловок, сколь и галантен, то я отпущу тебя без ненужных ухаживаний. Даже если бы они оказались для тебя приятны. Так что сладких снов, рыцарь без страха и... колена!

Речь всё же не выдержала и съязвила, отчего задорно, но без злобы рассмеялась. Улыбнулся и Дмитрий.

– Не волнуйся, я поставлю себе ногу до... задуманного! – подобрал он слово взамен «грабежа».

– Да уж постарайся! – захихикала Анна. – Чтобы до свадьбы зажило!

Митя вспыхнула и не нашёл, что ответить. Речь рассмеялась снова, поцеловала парня в щёчку и отправилась спать. «Если она сейчас обернётся – она будет моей», – неожиданно для самого себя подумал Митя. Сделав несколько шагов, Анна повернулась и помахала ему. Из трубы соседней фабрики повалил дым, и где-то вдали раздался гудок. Начался новый день.

Друзья

– Алло, Андрей? Привет, это Митя!

– Митя!? – удивился голос на том конце. – Ты куда пропал? Что с тобой, как ты?

– Да знаешь, – замялся Митя, – всё в порядке, с одной стороны. Но вообще... ты же помнишь, как я... ну, словом, эпизод с трамваем?

– О, как же не помнить! Ты теперь звезда! Сколько уже лайков, три тысячи?

– Лайков? Вы что, выложили видео в сеть?

– Мить, да с тобой всё в порядке? – искренне удивился Андрей. – В тот же день! Уже к вечеру было сто тысяч просмотров. Ты что, хочешь сказать, не видел ещё, что ли?

– Честно говоря, нет, – признался Митя. – Знаешь, я сейчас ищу денег на операцию...

– На операцию? Что случилось?!

– Ну как, ногу пришить! – не понял вопроса парень.

– Как, ты её ещё не приделал обратно? – было понятно, что Андрей поражён, как громом. Видимо, такой поворот истории оказался для него совершенной неожиданностью. – Получается, ты ещё и родителей не видел?

– Да причём здесь родители! – никак не мог взять в толк Митя. Он начинал заметно злиться. – Я с ними виделся и... поспорил! Теперь я ищу денег, чтобы самому всё исправить. Я и тебе звоню, чтобы спросить: ты мне не одолжишь денег, недели на две?

– Гм, ну не знаю, а сколько тебе надо?

– Вообще мне нужно шестьдесят тысяч...

– Ско-олько? – казалось, собеседник едва не выронил телефон.

– Я отдам, обязательно! – начал заверять Митя. – Мне нужно недели две, и я всё верну. Даже с вознаграждением!

– Да нет, брат, у меня отродясь таких денег не было, – начал оправдываться Андрей.

– Да ну ладно, брось! У тебя телефон дороже стоит!

– М-м, да, но это же подарок... К тому же я сейчас собираюсь покупать кольцо Алине. Помнишь, мы с ней вместе ездили на Дикую Мяту! Ну так вот, у нас, кажется, всё завязывается, и я хочу сделать ей приятное...

И далее последовал долгий и подробный рассказ о свиданиях, планах и восторженных ожиданиях. Митя, впрочем, слушал более из вежливости, потому что понял, что от Андрея ждать помощи не приходилось.

Следующим, к кому обратился молодой человек, был Павел, или Пабло, более известный в их компании как Эскобар. К мафии он не имел никакого отношения, но от лёгкого криминального оттенка никогда не отказывался. По крайней мере, он был известен как человек, который может достать всё, что угодно, включая и запрещённые предметы и вещества. Но сам Павел настоял, чтобы его называли Эскобаром, после прочтения истории о том, как колумбийский наркобарон сжёг два миллиона долларов, чтобы согреть свою дочку, когда их загнали в высокогорное ущелье. По всему выходило, что

деньги у Пабло должны водиться. Но Митя не решился звонить ему первому, поскольку знал, что его просьба сразу же после их разговора станет достоянием общественности. Из друзей, у кого могли водиться деньги, оставался ещё Ксен, но шансов одолжить у него было значительно меньше.

– Алло, привет, Пабло! – поздоровался Митя, когда тот поднял трубку.

– Алло, да! – ответил вялый голос.

– Ты что, спишь?

– Нет-нет, – невнятно заверил, прокашлявшись, тот же голос.

– Ам, хорошо, – допустил Митя и перешёл к сути дела. – Слушай, извини, что потревожил тебя. Но мне нужны деньги в долг. Большая сумма, шестьдесят тысяч. Но я верну недели через две, обязательно! Если хочешь, даже с процентами.

И так как Эскобар никак не реагировал, то Митя продолжил объяснения:

– Я просто до сих пор хожу без ноги. Понимаешь, поссорился с родителями, а у самого такой суммы нет. Но у меня скоро будет, и гораздо больше! Так что я не только отдать смогу, но и тебя выручить, если потребуется! А сейчас мне они очень нужны. Ну так что, ты мне поможешь?

– Угу, да! – слышалась та же каша.

– Так ты всё-таки спишь? – раздражённо спросил Митя.

– Нет-нет, я в пробке...

Митя с негодованием повесил трубку. «Напыщенные бездельники! – решил он про себя. – Или что это: дружба дружбой, а деньги врозь? Неужели всё это правда, что друг познаётся в беде и прочее? И чего я смущаюсь: да – да, а нет – нет. За спрос морду не бьют!». И хотя перед последним звонком он не мог набраться смелости несколько минут, но теперь быстро набрал номер Ксена – того самого, который читал заметку про опоздание в качестве тоста. Друзья предполагали, что его звали Алексей, но его паспорта никто не видел и никто не мог этого утвердительно сказать. Кроме как по прозвищу его не знал никто.

– Алло, Ксен? Привет, это Митя!

– О, привет, дружище! Как дела?

– Да, честно говоря, не очень! – признался он.

– Что такое? – Ксен оказался первым, кто спросил о проблемах Мити с участием. По крайней мере, тому так послышалось в интонации приятеля.

– Понимаешь, я в ссоре с родителями и до сих пор не могу восстановить ногу. А если её до послезавтра не пришьют, то польются пени за просрочку содержания в камере. А у меня и на их оплату денег нет, не говоря уже про операцию. Одним словом, – Митя несколько замялся, – мне нужно шестьдесят тысяч. Недели через две я обязательно верну, даже с процентами!

– Ох ты ж, как тебя припёрло! – в своей манере посочувствовал Ксен. – Слушай, я, конечно же, постараюсь тебя выручить! Только на мне сейчас кредит висит, я банку жутко переплачиваю, поэтому если с процентами, было бы неплохо.

– Да я тебе говорю, – горячо ввязался Митя, – я готов, серьёзно, ты просто скажи, сколько. Мне действительно деньги позарез нужны. Ты назначь процент, я тебе верну!

– Да процент – ладно! – как бы между делом ответил Ксен и спросил быстро, требуя проходного согласия. – Процентов десять, например, тебя устроит?

– Да, конечно! – подтвердил Митя.

– Единственное, у меня сейчас вряд ли такая сумма найдётся, – наскоро продолжил разговор приятель. – Давай так попробуем. Ты ко мне приезжай – прямо сейчас можешь, – я тебе тысяч двадцать выдам сразу. А по поводу остальных – сегодня-завтра постараюсь найти и сразу тебе отзвонюсь тогда. Лады?

– Ну, хорошо! – невольно кивнул Митя.

– Вот и отлично! – суммировал за обоих всё сказанное Ксен. – Приезжай, я тебя жду.

И повесил трубку. «Куй железо, пока горячо», – решил про себя Митя, хотя осознание того, что в жизни не всё и не сразу приходит по первому твоему желанию, сильно коробило его. Делать было нечего, оставалось съездить хотя бы за частью суммы. Пока же парень решил никому не звонить, потому что – мало ли – Ксен достанет больше, чем пообещал, тогда и искать останется меньше. Одним словом, как и не просто было Мите в его инвалидном состоянии ездить из конца в конец по городу, но обстоятельства диктовали ему свои условия. В этот момент неожиданно раздался звонок. Звонил снова «Серый кардинал», и опять Митя не соизволил ему ответить.

– Не до тебя сейчас! – с отчаянной решимостью вслух проговорил он и направился к остановке.

Встреча с Ксеном произошла на удивление быстро. Правда, Митя туманно надеялся, что приятелю удастся предоставить ему бóльшую сумму, но ожидания не оправдались. Товарищ вручил ему ровно столько, сколько пообещал, и извинился, что не может с ним поболтать, потому что занят очень важным проектом. Митя поблагодарил, повторил обещание вернуть с процентами и отправился по улице куда глаза глядят в поисках тихого места, откуда можно было бы позвонить оставшимся друзьям.

Вообще Митя был, как называла это свойство характера его мама, «поклонным». То есть охотно признавал, если кто-то ему помогал или оказывал содействие. И, в целом, отличался почтительностью – как к старшим, так и к ровесникам. Вот и с Ксеном он также повёл себя благодарно, как с человеком, который не отказывает в помощи, выручает. Но сейчас, на улице, Митя вдруг поймал себя на мысли, что его гложет неприятное ощущение. Как будто до него снизошли, как будто ему делают одолжение, а он навязывается, как проситель, которому неудобно отказать. Мысль так глубоко теребила душу, что в конце концов Митя решил, что так чувствует себя любой, кто просит в долг, и продолжил обзванивать друзей. Точнее, подруг, поскольку в телефонном списке ближайшим вариантом оказалась Маша.

Митя пересказал ей свою историю, хотя ещё в середине повествования Маша призналась, что с деньгами у неё сейчас туго. Зато эпизод с Ксеном её откровенно удивил.

– Ты что, не в курсе? – уточнила она.

– Не в курсе чего?

– Того, что Ксен промышляет ссудами. Это же сын Винни Джонса, если ты только помнишь «Карты, деньги, два ствола»! Он ссуживает доброй сотне знакомых, если не больше. Даже правила его известны. Незнакомым не даёт в долг никогда, пришедшим от друзей – максимум тысячи три, друзьям – двадцать тысяч. Всегда под проценты, только всем опять-таки под разные. Тебе вот десять назначил, тоже, видимо, по дружбе. Зато обратишься второй раз – может дать больше, но и под бóльший процент. Разумеется, если ты ему вернёшь в срок и обговоренную сумму. Ты думаешь, у него нет шестидесяти тысяч? Да он по триста даёт, на машины там или ещё что, но зато потом может выбивать железным прутком! Не удивляюсь, если он матери под процент даёт. Так что ты попал под его испытательный срок. А ты что, вообще не знал?

– Не знал, – тихо проговорил Митя. Услышанное, очевидно, оказалось для него неприятной новостью.

– Слушай, ты прямо настоящий бедняга! – пожалела его Маша. – Знаешь, если я найду сколько-нибудь, я тебе позвоню и сама привезу, не заставлю тебя на одной ноге в автобусе ездить. Но пока что ничем тебя выручить не могу, извини. Я ещё поищу, кто сможет помочь, но сам понимаешь, не обещаю.

Ситуация вырисовывалась печальная. Митя нашёл только треть нужной суммы, да и ту ему одолжил друг под проценты. У остальных либо не было, либо они говорили, что нет. После разговора с Машей он позвонил ещё нескольким приятелям, но вскоре понял, что нет смысла ждать у моря погоды. Голова его судорожно работала, выискивая хотя бы самые фантастические варианты достать деньги, когда их нет вообще. Спустя пару часов бесплодных поисков Митя зашёл в кафе перекусить. В кармане у него лежали двадцать

зелёных банкнот, но он выскреб оставшуюся со вчера мелочь и заказал самый дешёвый обед. Спустя три минуты на его подносе уже ничего не осталось. В этот момент раздался телефонный звонок.

– Алло, привет, Митя, это Ксюша!

– Гм, привет! – деликатно поздоровался парень. – А какая Ксюша?..

– Морозова, мы с тобой в одном классе в школе учились!

– А, да, привет, Ксюш! – закивал Митя, чтобы несколько победить смущение от ситуации. В то же время девушка, похоже, была ещё больше взволнована, и решение позвонить далось ей, видимо, с трудом.

– Да, это я... – Сказав это, она замялась, но вскоре затараторила как по заученному и отрепетированному наедине с собой тексту. – Так вот, я тут встретила с Машей, случайно, и она рассказала, что с тобой случилось, о твоей беде. А у меня как раз скоро день рождения, и родители подарили мне денег на... шубу, или не знаю, на что... Точнее, не то чтобы подарили, и не всё ещё собрали... но я знаю, где у них лежат, и могут взять, я уверена, что они не будут ругаться! Потому что тебе нужней! А ты, я слышала, до сих пор без ноги ходишь, так что я с удовольствием тебе помогу...

На этой фразе она сглотнула слюну – по всей видимости, от волнения, – и Митя успел вставить слово:

– Слушай, спасибо тебе, Ксюш, я тебе очень признателен! Я обязательно верну, мне они нужны всего на две недели, максимум на три. Поэтому я сразу тебе отдам, как только получу...

Теперь Митя осёкся, не знаю, что ещё сказать, а Ксюша приготовилась перехватить эстафету.

– Да, я знаю, – торопливо заговорила она, – Маша мне всё рассказала! Но ты можешь не торопиться, мне не к спеху...

Девушка хотела было добавить что-то ещё, но вдруг оборвала саму себя, словно бы чего-то ожидая.

– А когда у тебя день рождения? – сообразил Митя. Он явственно понял, что Ксюше очень хотелось, чтобы он её об этом спросил. А ещё отчётливее он с ужасом осознал, как бы сильно корил себя, если бы не догадался задать этот вопрос. Так что мысленно он благодарил собственную смекалку или внешние обстоятельства, которые подбили его спросить об этом. В любом случае он радовался, что успел сообразить и не попасть впросак.

– Пятого августа, ещё не скоро!

– У-у, да! – подтвердил Митя, к которому вдруг пришло ясное осознание того, что августом покупают шубы только те, кто хочет сэкономить, а значит, родители Ксюши собирают по частям нужную сумму, чтобы их любимая дочка была нарядной зимой: ведь летом в шубе не походишь. Всё это почти моментально встало перед мысленным взором Мити, и он постарался поскорее что-нибудь сказать, словно боясь, что промедление позволит Ксюше подглядеть его откровения. – Но ты не переживай, правда, я обязательно всё верну! Даже не сомневайся! Потому что я скоро получу деньги, большую сумму, просто сейчас у меня нет... Одним словом, не волнуйся и – спасибо!

– Пожалуйста! – ласково произнесла девушка. – Я даже могу приехать к тебе сегодня!

– О, ты просто моя спасительница! – сорвалось у Мити, а Ксюша приняла фразу так близко к сердцу, что её счастливая улыбка словно перенеслась вместе со вздохом умиления:

– Да не стоит! Я просто решила помочь своему... другу... – здесь она как будто осеклась, – да и увидеться...

Ксюша поняла, что начала проговариваться, и стала произносить слова без разбору и невпопад, лишь бы забросать ими почти рассекреченные признания. Митя, конечно, тоже понял, что просто друг не поедет вручать сорок тысяч, чтобы очередной раз увидеться. Поэтому им овладело весьма неловкое чувство, поскольку он к Ксюше никогда ничего такого не испытывал, а она, судя по происходившему разговору, пыталась изо всех сил помочь ему. Так ведут себя

девочки, которые ни за что не подадут знак, что им нравится мальчик. Зато если с ним что-то случится, например, другие ребята разобьют нос, – она обязательно придёт первой с платком и будет строгим, но ласковым тоном объяснять, как нужно закинуть голову.

– В принципе, я могу подъехать и сейчас, – произнесла она наконец.

– Да, это было бы замечательно! – по возможности учтивее ответил Митя. Он понимал, что нужно выдержать некий баланс, чтобы Ксюше было приятно приехать самой, потому что она наверняка хотела сделать приятное ему. – Знаешь переулок Чигарова до Донского проспекта? Там рядом с турагентством «Кипр» есть кафе «Тили-тесто», я как раз здесь сейчас...

– Хорошо, я сейчас вызову такси и приеду!

– Хорошо, тогда до встречи!

– До встречи!

Подруги

Через двадцать минут перед входом в кафе остановилась машина такси, из которой вышла Ксюша. Митя махнул ей из окна рукой. Девушка заметила его приветствие и поспешила войти внутрь. На вид ей было лет шестнадцать, не больше, хотя в этом году ей исполнялось уже двадцать. Тёмно-русые её волосы развевались до талии и напоминали праздник урожая пшеницы, настолько густыми и кудрявыми они казались в потоке солнечного света. Ксюша была среднего роста, даже несколько ниже, поэтому издали могло показаться, что по тротуару движется целая копка сена, так что встречному пришлось бы посторониться. Определённо Ксюшиной причёске мог бы позавидовать викинг любого возраста, но в отличие от последнего девушка была настолько стройна и пластична, что могла бы выступать ассистенткой фокусника, которая прячется в футляре из-под скрипки.

– Привет! – привстал Митя, как бы делая движение вперёд, но в то же время оставаясь на месте.

– Привет! – ответила с улыбкою Ксюша. – Боже, как ты... чудовищно выглядишь.

Последние слова вырвались у неё случайно. Конечно, она не хотела этого произносить, да и не думала так вовсе. Очевидно, что она просто оказалась неготовой застать Митю именно так, как его описывали друзья. Поэтому девушка, густо покраснев от сказанного, поспешила извиниться и объяснить своё восклицание.

– В смысле... я имела в виду, что без ноги ты смотришься... как ветеран войны. А так – ты сейчас очень даже хорошо выглядишь! – она покраснела ещё гуще и начала сыпать невпопад. – Точнее, ты всегда был... милым... но теперь... ты просто потрясающий, одним словом. И я рада, что могу тебе помочь в тяжёлую минуту!

– Спасибо! – откликнулся Митя, который до этого не успел произнести ничего, кроме приветствия. – Ты на самом деле меня сильно выручаешь! И я благодарен тебе, особенно если учесть, что ты сама узнала о моей беде и решила помочь. Это очень приятно! И, признаться, мне приятно тебя видеть! И ты как раз смотришься совершенно очаровательно, безо всяких оговорок!

Комплимент польстил Ксюше, но Митя объявил чистую правду. «И как я раньше не обращал на неё внимания!» – удивился он про себя. Конечно, в его голове сейчас безраздельно властвовал образ Анны. Но даже он, казалось, на секунду померк в его сознании, когда Ксюша вошла в кафе.

Такое бывает, когда спустя несколько лет встречаешь знакомую, с которой завязываются стремительные отношения. Жиголо со стажем даже собирают такие мимолётные встречи в копилку потенциальных связей «на будущее». Даже будучи в браке, они тщательно стараются составить у милой им девушки лучшее впечатление, чтобы при неожиданном новом свидании очаровать её выхолощенной верностью и наигранно старомодной правильностью вкупе с неисправимым романтизмом. При этом они вовсе не считают себя аморальными с их точки зрения и выражают тем самым ветхозаветный подход

к любви, поскольку считают себя примерными семьянинами лишь на основании того, что они не прелюбодействуют. Продолжение же «не возжелай» для них неактуально, как для передумавшего убийцы угрызения о покушении, которому не суждено было состояться.

Впрочем, Митя вовсе не принадлежал к числу циников. И возникшая у него секундная страсть к другой явилась, видимо, впервые в его лишь зарождающейся жизни, поскольку он тут же постарался взять себя в руки и говорить по-деловому. Но его юный возраст ещё не научил умело скрывать озорной огонь в глазах. Поэтому до конца встречи он так и просидел с горевшим взглядом и невольной улыбкой.

– Ладно, – наконец, произнёс он, догадавшись, что затягиванием встречи лишь увеличивает обоюдное смущение, – спасибо, Ксюш, ещё раз, что выручила! Я обязательно отдам при первой возможности, не переживай даже! И это на самом деле очень приятно, ты настоящий друг!

Ксюша улыбнулась и расставила руки в знак того, что готова принять от Мити объятия. Тот поспешил ответить на этот призыв и обнял девушку, также не в силах удержаться от улыбки удовольствия от встречи. Подруга вышла из кафе первой. По-видимому, она чрезвычайно смущалась от произошедшей беседы и торопилась скрыться от настигших её переживаний. Хотя Митя, конечно, не подозревал об этом, поскольку и сам оказался застигнут врасплох и накрыт неожиданным светлым и воздушным чувством.

Впрочем, он заставил себя подумать об Анне и, причёсываясь перед зеркалом, фантазировал, что она нечаянно застала бы его сейчас в кафе. И поразилась бы тому, как по-джентльменски учтиво и подчёркнуто верно он простился с Ксюшей, после чего заметил свою истинную возлюбленную и с открытой улыбкой направился навстречу к ней, чтобы заключить в не подружески горячие объятия. И несмотря на то, что Митя представлял себе это, он вряд ли бы поверил, что именно в эту самую секунду с другой стороны улицы за ним наблюдала не кто иная, как его дражайшая Анна Байльшмидт.

Власть

– У них было свидание?

– Нет же, говорю тебе! – Анна сжала кулачки и даже слегка ударила себя ими по бёдрам. – Они встретились, чтобы девушка передала ему деньги. Сколько, я не могла рассмотреть, но, судя по всему, не очень много.

– У тебя глаз не было, чтобы увидеть?

– Вот именно, что у меня обычные человеческие глаза, а не окуляры Карл Цайсс! Если бы у меня был бинокль, я бы и смогла рассмотреть, что она ему передаёт. Но для этого мне было нужно место для наблюдения, а чтобы его приготовить – нужно было знать, что они встретятся в этом кафе! Я же тебе не ясновидящая! Я и так много сделала.

– Что «много сделала»? Увидела его с подружкой?

– Я тебе ещё раз повторяю: это не подружка! Они обнялись, как будто в первый раз. Так не обнимаются парень с девушкой, они просто друзья или приятели, не знаю... А увидела я, что он получил от неё деньги, – вот что важно! Это же информация, это ниточка, чтобы распутать, что он планирует.

– И так ясно – починить себе ногу и купить костюм, прежде чем идти в банк. Я бы и сам так поступил на его месте, потому что это – очевидно.

Анна сдержала себя, но ей это стоило немалых усилий. На каждую её реплику, на каждое умозаключение всегда приходился ответ, что это очевидно и так понятно.

– А тебе не приходило в голову, – предположила она спустя минуту, – что он хочет нарядиться красиво ради меня?

Парень оторвался от своих занятий – а он с величайшей осторожностью вставлял стеклянные трубки в желеобразную массу в прямоугольных брикетах – и тихо, но бессовестно рассмеялся.

– Он? Ради тебя?

– А что? – видимо обиделась она. – Что я, недостойна того, чтобы ради меня красиво одевались?

Девушка резко повернулась на месте и нечаянно задела стол, на котором стояла ёмкость с тем же прозрачным желе. Стол зашатался, и консистенция весело заплясала, норовя выплеснуться наружу. Парень подлетел к столу и удержал его на месте, стремясь погасить возникшие колебания. Когда всё успокоилось, он бросился к Анне, бесцеремонно и с силой схватил её склизкой рукой за горло и прижал к стене.

– Сколько раз тебе повторять, чтобы *здесь* ты была ниже воды и тише травы! – Свободной рукой, сжатой в кулак, он замахнулся, но сдержал себя и ударил лишь в штукатурку рядом с Аниным лицом. – Дура!

Это был тот самый хулиган, который избил Митю в первый день его пребывания в отстойнике и которого тогда именно Анна и остановила, так властно и грозно. Теперь от её былой смелости не осталось и следа. Она в страхе смотрела на душителя, часто моргала и даже не пыталась вырваться. Наконец, он отпустил свою жертву, но не оставил проклятий:

– Дура! Тут же всё могло взлететь на воздух! Уйди вообще отсюда! Ты всё сказала, что хотела? Всё понятно: он занял денег, чтобы привести себя в порядок...

Рассуждая, он вернулся к занятиям и продолжил фасовать и упаковывать пластины.

– Затем он свяжется со своим компаньоном, тот «нажмёт клавиши в нужной последовательности», и ему останется лишь сходить в банк и обналичить счёт. Он, кстати, ещё не встречался с этим своим приятелем?

– Нет, ещё нет...

– Это настораживает. Ладно, подождём. Теперь о главном. Я более чем уверен, что его ведут полицейские. Очень странно, что ты никого из них не заметила. Ты уверена, что *они* не следили за тобой?

– Да, говорю же тебе! – вновь разгорячилась Анна.

– «Да», – передразнил её парень, – не могла рассмотреть, сколько денег она ему передала, а ещё делает вид, что полицейских на хвосте заметить в силах!

– Повторяю тебе: никого не было! – с упорством настаивала Анна, разминая рукой болезненное место на шее.

– Ладно, допустим. В любом случае мы должны подготовиться к варианту, если они появятся. Если это произойдёт в банке – мы ничего не сможем поделывать. К сожалению. Но я думаю, что они доведут его до передачи тебе. Скорее всего, это произойдёт в отстойнике. Здесь я уже предупредил нужных людей, чтобы они проследили и в случае необходимости помогли. Здесь тебе нечего бояться, нужно лишь рассчитывать на скорость бега. Поэтому о встрече договаривайся лучше в вечернее или ночное время, так проще затеряться.

Он запаковал ещё один брикет и отложил его в сторону.

– Есть ещё вариант, что они попытаются задержать его после банка, но до отстойника. Честно говоря, не думаю, что так произойдёт, но – возможно. Сюда они наверняка пригонят какую-нибудь спецгруппу. Но в городе, если всё-таки они настолько сгруппируются, думаю, это будет один полицейский, который исполнит какую-нибудь глупую роль: попросит отогнать машину, пригласит понатым или что-то в этом роде.

В день получения им денег на тебе, под одеждой, будет взрывчатка. Надеюсь, она тебе не понадобится. Но если понадобится – у нас здесь подготовлена специальная реанимационная с двумя врачами, хирургами. Десять литров крови твоей группы в холодильнике. Все инструменты и перевязочные средства. Я буду на машине, плюс ещё двое человек со своими авто. Одним словом, если ты подорвёшься – мы тебя доставим быстро и здесь вернём к жизни. Можешь в этом не сомневаться, потому что этим занимаюсь я лично!

Он взял её за плечи и просверлил взглядом.

– Что бы с тобой ни произошло, мы тебя оживим! Ты мне веришь?

– Верю... – испуганно ответила девушка.

– Скажи сама! Ты мне веришь?

– Да, да, я тебе верю! – подтвердила Анна.

Парень отпустил её и продолжил.

– Если в городе ты увидишь полицейских, которые приближаются к нему, попытаются остановить или задержать, тебе нужно подойти к ним как можно ближе и нейтрализовать! Брелок будет, как от обычной машины, так что никто ничего не заподозрит. Перед подрывом постарайся отвернуться или прикрыть лицо рукой. В сам момент реакции ты ничего не почувствуешь. Когда откроешь глаза – будешь лежать здесь под капельницей с его миллионами. И со мной! Я буду с тобой всё время. Запомни главное: во время подрыва будь как можно дальше от меня, иначе я не смогу тебя спасти! Ты всё поняла?

– Да, я всё поняла! – кивнула Анна и даже постаралась улыбнуться.

– Хорошо. Теперь мне нужно время, чтобы закончить. Сходи пока в душ и жди меня.

– Может быть, потом? Не сегодня. Мне не по себе, я переживаю...

– Ни о чём не переживай! Я же тебе сказал, что всё под контролем! Иди в душ и дождись меня. Сегодня я хочу видеть тебя в красном...

– Хорошо, – снова натянуто улыбнулась Анна, но улыбка получилась ещё хуже, чем в прошлый раз.

– И отдёрни шторы, я хочу видеть тебя!

Серый кардинал

Теперь у Мити были деньги. А это означало, что он мог наконец привести себя в порядок и исполнить задуманное. В первую очередь он отправился в ту самую больницу, где на сохранении находилась в замороженном виде плоть от плоти его родная нога. Плата за хранение оказалась даже ниже, чем рассчитывал Митя. Зато к сумме непосредственно операции неожиданно прибавилась недешёвая анестезия. Так что денег на покупку соответствующего

его новому, цельному образу костюма оставалось не так уж и много. Но мысли молодого человека касались исключительно восстановления собственной целокупности, без которой совершенно невозможными представляли все последующие действия.

Операцию назначили на тот же вечер. Митю отвезли в перевязочную, тщательно промыли и побрили в том месте обрубка, куда нужно было пришить ногу. Затем обработали специальной мазью и каким-то прозрачным раствором, от которого место вокруг раны вскоре онемело. Впрочем, уже на операционном столе Мите ввели в вену препарат молочного цвета и попросили вслух досчитать до десяти, чтобы понять, когда подействует анестетик. Митя послушно досчитал и после секундной паузы поинтересовался:

– И что дальше?

Никто не ответил.

– Десять, десять, я досчитал! – поспешил объявить Митя. – Что мне дальше делать, а? Да вы меня слышите?

– Да слышим, слышим! – отозвался чей-то сонный голос. – Прооперировали тебя уже, спи, ты в палате!

Митя судорожно моргнул несколько раз и уставился перед собой. Белые прямоугольники потолочной плитки с озорством плыли перед его глазами, возвращались на свои места и вновь уплывали в сторону. Парень поднял руки и глубокомысленно заметил, ещё не вполне отдавая себе отчёта в своих ощущениях и словах:

– О, у меня есть руки!

Он так удивился своему открытию, что ещё некоторое время вертел перед собой ладонями и любовался совершенством суставов пальцев. Впрочем, вскоре он устал и погрузился в лёгкую дремоту. Через секунду он уснул крепким и безмятежным сном.

Когда он проснулся, наступил давно уже, по-видимому, день, потому что люди сновали туда-сюда с полными и пустыми тарелками. Вместе с

пробуждением проявилось новое, удивительное чувство. Хотя новым его можно было назвать лишь относительно, поскольку так случалось каждый раз, когда Мите пришивали оторванную, отрезанную или отрубленную конечность. Парень попробовал пошевелить пальцами ног, и они задвигались не только на правой, но и на левой, вновь установленной ноге. Человек, которому никогда не возвращали части тела, мог бы такое почувствовать, наверно, если бы ему пришили к спине крылья и он бы впервые ими взмахнул.

Немного придя в себя, Митя приподнялся на кровати и поздоровался с присутствующими.

– Я – Митя, меня прооперировали сегодня ночью, – деликатно пояснил он.

Палата рассмеялась, а один старичок весело заметил:

– Да знаем мы, Митя! Полночи свои пальцы считал! «О, у меня есть руки»...

И эта пародия вызвала целый взрыв смеха, но задорного, не обидного. Невольно улыбнулся и Митя, хотя неловкое чувство вспыхнуло в нём сразу, как только он вспомнил, как отходил от анестезии. Работница, раздававшая обед и собиравшая назад тарелки, узнав, что новый пациент проснулся, сообщила об этом медсестре. И уже через минуту в палату вошёл врач, проводивший операцию.

– Доброе утро! – поприветствовал он Митю, поскольку только для него день ещё был утром. – Как самочувствие? Пошевелите пальцами. Отлично.

Доктор убрал одеяло и осматривал место соединения. Затем стал диктовать результаты обследования медсестре, которая стояла рядом с листком врачебного наблюдения в руках.

– Что ж, всё замечательно! – резюмировал доктор. – Артерии воссоединились, кровоток нормальный, нервные окончания функционируют. Осталось только восстановить мышечную структуру и кость, неделю придётся полежать в гипсе.

– Как неделю? – резко всполошился Митя. – Я собирался уже сегодня выписаться!

– О, молодёжь! – несколько даже растерялся хирург. – Да вы ещё стоять нормально не сможете дня три!

Митя, казалось, оправился от первоначального, неожиданного удара судьбы.

– Доктор, вы же ставите эластичные гипсы? Или как они называются? С которыми можно передвигаться сразу после операции.

– Кинезиошины? Они не полностью эластичны... Гм, обычно их используют в военной медицине, но у нас, по-моему, хранится парочка комплектов. Только зачем вам? – недоумевал хирург. – И вообще, когда вы планировали начать ходить?

– Не просто ходить, а покинуть больницу, – уточнил Митя. – Хотел сегодня.

Настойчивость и самоуверенность молодого человека, граничившие с безумием, немало поразили доктора. Но он не растерялся и расставил все точки над і:

– Сегодня вы определённо никуда не уйдёте, Дмитрий Павлович! – хладнокровно провозгласил он, подглядев отчество в карте пациента. – Сегодня вам предстоит сдать анализы и пройти полноценное послеоперационное обследование. Как ваш лечащий врач, я никуда вас не отпущу в течение как минимум трёх дней. И в последующий период настоятельно рекомендую не то чтобы не ходить, но и не вставать без лишней необходимости. Впрочем, не могу вас, как совершеннолетнего, задержать далее, чем послезавтра вечером. Однако предупреждаю, что в этом случае высока вероятность рецидива. Кроме того, вам не получится обойтись без трости.

– Без трости? – мечтательно повторил Митя. – Хорошо, спасибо большое! Даю вам честное слово не сделать ни одного лишнего шага без насущной надобности...

Действительно, через три дня воскресший духом Дмитрий уже ехал в такси в ту же гостиницу, где он заночевал после ухода из дома. Сюда он заранее вызвала курьера с несколькими костюмами. Изрядно провозившись с брюками, которые никак не хотели покорять нестигающуюся вылеченную ногу, парень всё же определился со своим новым туалетом, который должен был иллюстрировать его новую жизнь.

Наедине с собой Митя покрасовался перед зеркалом, плотно пообедал со степенной неторопливостью и важностью и наконец собрался к выезду. Путь его лежал к центральному отделению банка, однако внешний вид молодого человека никоим образом не отбрасывал даже тени волнения или какого бы то ни было переживания перед запланированным делом. Напротив, в лёгком, приподнятом настроении он вошёл в здание. И заметная хромота вкупе с очарованием юности и фасоном костюма лишь придавали ему игривую щеголеватость. Подобным франтом он обратился к девушке за стойкой.

– Добрый день! Я хотел бы снять средства с накопительного счёта.

– Конечно! – с улыбкой подтвердила она. – Я вас провожу к свободному оператору.

– Добрый день! – поприветствовала его сотрудница банка, показавшаяся ему знакомой.

– Здравствуйте! Я хотел бы снять деньги со счёта.

– Конечно! – согласилась и эта девушка. – Будьте добры, паспорт. У вас есть карта нашего банка?

– Есть! – ответил Митя, доставая паспорт. – А зачем карта?

– Для подтверждения привязки вашего счёта и карты, – пояснила сотрудница. – Формальность, но может пригодиться, если вы захотите оформить кредит на крупную сумму.

– Понятно, – кивнул парень.

Девушка начала что-то набирать на клавиатуре.

– Какую сумму вы хотели бы снять и с какого счёта?

– А у меня их несколько? – удивился Митя.

– На вас зарегистрировано три счёта. Один накопительный, тринадцать тысяч. Второй кредитный, по нему вы можете одновременно снять до пятнадцати тысяч со сроком беспроцентного погашения в пятьдесят пять дней. И третий накопительный, пять миллионов восемьсот сорок семь тысяч двадцать три рубля.

«Вау!» – радостно воскликнул про себя Митя: сумма оказалась больше, чем он рассчитывал. Но он постарался сдержать эмоции.

– С третьего счёта, – заключил он. – Всю сумму, желательно крупным купюрами.

– Хорошо! – ответила девушка, хотя, по-видимому, ей тоже стоило определённых усилий сдержать удивление, ведь не каждый день молодой человек снимает пять миллионов. – Для пересчёта суммы понадобится некоторое время, минут пять. Подпишите пока вот здесь...

Она протянула ему распечатанный лист договора с реквизитами сторон.

– ...и вот здесь. Спасибо! Я сейчас отнесу документы в кассу, там же вы можете забрать свои средства, шестое окошко, – и она вернула ему паспорт и карту и мило улыбнулась.

– Спасибо! – улыбнулся ей в ответ Митя и последовал в указанном направлении с предусмотрительно взятым с собой вместительным портфелем. Он уже приближался к кассовому залу, когда его вдруг окликнули:

– Митя! Мить!

Он тотчас же узнал этот голос и неприятно скривился. Но делать вид, что ничего не слышал, было нельзя, тем более в таком хоть и просторном, но всё-таки замкнутом пространстве. Митя обернулся и натянуто улыбнулся:

– Сергей!

– Митька, привет! – навстречу к нему торопился полицейский при полной форме, с фуражкой в руке и пистолетом в кобуре на поясе. На вид служитель

правопорядка казался ровесником или чуть старше приятеля. – Здравствуй, дорогой! Рад тебя видеть!

Они обнялись крепко и тепло, впрочем, по инициативе лейтенанта. У Дмитрия же даже неприятно кольнуло в ногу, настолько дружественными оказались объятия. Но болезненность перебивало неприятное ощущение излишнего и слишком уж простонародного панибратства.

– Как поживаешь? – спросил Митя, чтобы спросить хоть что-нибудь.

– Да всё в порядке, слава Богу! – радостно и с энтузиазмом стал рапортовать неожиданный знакомый. – У меня же второй ребёнок уже!

– О, поздравляю! – торопливо вставил Митя.

– Мальчик, Ваней назвали! – совсем не замечал неудобства собеседника полицейский. – Живём потихоньку, сейчас ремонт доделываем. Мы же в двушку переехали. От бабушки дом в деревне остался – продали, добавили. Но без кредита не обошлось, сам понимаешь! Вот и приходится вертеться! Проценты зверские, конечно. Но я даже больше положенной суммы плачу, так меньше переплачиваешь. А, ты же не знаешь, наверно – меня перевели...

И он бы начал многословную тираду, но в этот момент у него зазвенел брелок сигнализации.

– Да чтоб тебя! Неужели эвакуируют!? Мить, подожди минутку, я сейчас перепаркуюсь и вернусь, поболтаем, дружище!

Не дождавшись подтверждения, он вприпрыжку побежал к выходу. На счастье Мити в этот момент его пригласили в кассу.

– В каждой пачке сто пятидесяти тысяч купюр, итого пятьсот тысяч. Раз, два, три... – кассирша начала передавать парню кирпичики денег, а он быстро складывал их в портфель. – ...десять и одиннадцать. Это пять миллионов пятьсот тысяч. Плюс три пачки по сто тысяч, это пять восьмьсот. И просто купюрами...

Девушка передала Мите оставшиеся банкноты и даже мелочь монетами. Не пересчитав толком полученную сумму, он застегнул портфель и скорым

шагом направился к выходу, стараясь держаться колонн, за которыми можно было бы спрятаться в случае возвращения нежданного друга. Но тот не появлялся, так что Мите удалось скрытно выйти на улицу. Перед ним лежала площадь, переделанная под парковку. Стараясь быть как можно более незаметным, парень направился наутёк. И он бы наверняка избавился от надоедливого товарища, если бы не предательский телефон. Он зазвонил на всю площадь, на экране высветилась надпись «Серый кардинал».

На самом деле ни к какому кардиналу звонивший не имел отношения. Так в школе стали называть Сергея после урока истории, на котором учитель объяснил значение выражения «серый кардинал». Прилагательное «серый» с острого языка кого-то из одноклассников присвоили как раз Сергею, так что словосочетание превратилось в ироничную кличку и выражало, конечно, издёвку, а не признание власти. Через секунду после звонка где-то вдали вновь послышался зов:

– Митя! Митя!

На этот раз Митя решил, что в данных обстоятельствах можно было и не услышать окрика, так что он даже прибавил шагу, но ровно настолько, чтобы не показалось, что он убегает. Тем более что уже успел перевести телефон в беззвучный режим. Пеший беглец уже вышел к ближайшему проулку, как услышал своё имя гораздо громче. А заодно различил шаги бегущего позади человека. Игнорировать приятеля было поздно и неуместно. Митя повернулся и улыбнулся как смог. Полицейский замедлил бег, но всё равно придерживал рукой кобуру, так что могло показаться, что он доставал на ходу пистолет.

– Стой! – раздался неожиданно знакомый и настолько приятный голос, что Митя даже не поверил. – Стой на месте!

Между Митей и Сергеем, как из-под земли, возникла Анна. Она подняла перед собой травматический пистолет и прицелилась в полицейского.

– Быстро снял кобуру и положил на землю! – грозно приказала она.

Митя не верил ни глазам своим, ни ушам, ни разуму.

– Аня, что ты делаешь?! – в ужасе заверещал он.

– Девушка, спокойно, спокойно! – Сергей выставил перед собой пустые ладони в знак того, что у него ничего нет и он не будет делать резких движений. – Успокойтесь, опустите пистолет!

– Повторяю последний раз: снял кобуру и положил на землю!

– Аня, что ты делаешь!! – вдвое громче закричал Митя. – Ты с ума сошла!?

В свою очередь Сергей успокоительным жестом предложил снизить накал разговора:

– Спокойно, девушка! Не стоит так переживать!

Попутно он сделал мелкий шаг ей навстречу. В ответ Анна подняла пистолет и выстрелила в воздух. Раздался оглушительный хлопок, и вверх разом взмыла сотня голубей с ближайшего тротуара.

– Кобуру на пол!

Лейтенант замер на месте. Он отчётливо рассмотрел, что дуло направлено ему ровно в грудь.

– Хорошо, я понял! – несколько задыхающимся голосом произнёс он. – Я осторожно сниму кобуру с пояса и положу её прямо перед собой.

– Анна, да что такое ты делаешь? – Митя ещё не успел отойти от выстрела, но сделал несколько шагов ей навстречу.

– Ты думаешь, я позволю подвергнуть тебя опасности? – крикнула она ему в ответ, бросая слово через плечо и по-прежнему целясь в полицейского. – Пять миллионов – немалые деньги. Ты думаешь, *они* за тобой не следили?

Она кивнула на лейтенанта. Тот медленно, осторожно снимал кобуру и попутно пытался справиться с бешеным сердцебиением.

– Они высчитывали каждый твой шаг, – продолжила Анна, – потому что их призвание – быть ищейками ради остатков обеда, а их имя – шакалы. Ты думаешь, они заботятся вернуть деньги пенсионерам? Да они крадут в сотни раз больше! Они всего лишь хотят получить часть своего пирога, тем и кормятся! Им по боку справедливость и счастье отдельного человека. Ты – не

своровал, ты – взял ради счастья всех! А они крадут, похищают, шакалят ради своего собственного чрева.

Лейтенант показательно послушно положил кобуру на асфальт.

– Аня, Аня, послушай, я ничего не своровал! – поторопился объяснить Митя. – Я снял свои деньги, я ничего не крал, нет махинации, это – мои деньги на общее благо и... ради тебя!

– Что ты такое говоришь! – недовольно перебила его Анна и невольно обернулась, чтобы посмотреть, не издевается ли он.

В этот момент Сергей снял правой рукой с левого бока резиновую дубинку и метко пустил её в Анну. Звонкий удар пришёлся прямо ей в руку, она выронила пистолет и отшатнулась назад. При этом невольно закричала от пронзившей её кисть боли. Полицейский сорвался с места и побежал прямо на неё.

– Митя, ложись! – истерично закричала Анна.

Оба молодых человека заметили в здоровой руке, которую она подняла вверх, какой-то пульт, похожий на взрыватель. Оголившееся предплечье оказалось замотанным белыми пластинками, напоминающими рахат-лукум. Сергей скривил рожу и бросился за ближайший автомобиль. Митя последовал его примеру, а для надёжности обхватил голову руками и свернулся калачом. В эту секунду прогремел оглушительный взрыв. Послышался звон битого стекла, рассыпающегося по асфальту. Многоголосым разрозненным хором зашумели сигнализациями десятки машин. Рядом с Митей повалился наземь скутер, за которым показалась оторванная по локоть девичья рука с зажатым пультом. Пальцы ещё нервно подрагивали, а из обрубка хаотично струилась тёмно-вишнёвая кровь.

– Господи, Аня, Анечка! – завопил Митя. Он подскочил, быстро отряхнул с себя осколки стекла и заметался на месте, не зная, что ему делать: подобрать руку или бежать смотреть Анну. Но тут же он ринулся к своей возлюбленной. На месте, где она только что взорвала себя, лежало лишь туловище с одной

ногой. Вторая, согнутая в колене, торчала из окна гудевшего автомобиля, посечённого осколками. Голова Анны отлетела на проезжую часть. Правда, движение здесь моментально остановилось, поскольку везде разрозненные лежали *части Речи*. Одни просто глядели в ужасе по сторонам, другие уже вышли наружу посмотреть, что случилось. Некоторые же и вовсе покинули свои машины и побежали прочь, опасаясь нового взрыва.

В череде легковушек вдруг показалась скорая помощь, которая, по-видимому, случайно проезжала мимо. Её водитель включил сирену и проблесковые маячки и между встречными потоками ловко проехал к месту катастрофы. Из салона выпрыгнули стройная медсестра и тучный медбрат, который был столь же молод, как и его коллега, но из-за веса казался гораздо старше. Вместе они подбежали к Мите. Он быстро объяснил им, что с ним всё в порядке и что спасать надо девушку. В то время, как в карету скорой помощи грузили голову и туловище пострадавшей, Митя подобрал её руку и ногу и вместе с врачами отправился в больницу.

Он совсем позабыл о Сергее. Тот, хоть и спрятался за машину, уцелел не совсем. Взрывная волна вернула ему его собственную дубинку, которая на полной скорости просвистела по асфальту под днищем машины, за которую он спрятался, и зарядила лейтенанту в челюсть, отчего он потерял сознание. Когда скорая помощь уже отъезжала в госпиталь, Сергей только начал приходить в себя после удара. Впоследствии оказалось, что у него не только перелом челюсти, но и закрытое сотрясение мозга, но пока он непослушной рукой ощупывал крошево под губой и пытался не захлебнуться собственной кровью.

– Пятый, пятый, ответьте! – кричала рация на поясе.

– У-у-у! – замычал Сергей, нажав кнопку связи. – Ууу. У-у-у!

На азбуке Морзе это означало SOS.

Любовь – это всё, что мы есть!

Под гул сирены скорая помощь подъехала к больнице. К этому времени Анину голову подключили к стационарному пункту поддержания жизни, а другие части Речи, предварительно задержав кровотечение, поместили в медицинские холодильники. Бледно-синее, мёртвое лицо девушки было изрядно посечено осколками, на коже образовались гематомы от перекачивания по асфальту и ударов о посторонние предметы. Оба её глаза были закрыты, но левый как будто срезали на тёрке.

Митя в ужасе таращил глаза на окоченевшую голову и находился в странном, совершенно оторопелом и в то же время экзальтированном состоянии. Если бы не чудовищное выражение его лица, можно было бы подумать, что он секунду назад влюбился, но только любовью помешанного, сумасшедшего. Иногда он как бы просыпался ото сна и потерянно глядел по сторонам, с ужасом замечая кругом руки и ноги возлюбленной. Во всю поездку, которая, правда, показалась ему не более минуты, он не проронил ни слова, хотя на площади верещал, как рупор. Ледяной озноб тяжко бил его изнутри. Митя трясся и в кровь кусал губы.

Когда Анну – точнее, её части, отдельно перемещаемые в рефрижераторах с кучей проводов, – подвезли к зданию реанимации, Митя словно очнулся от летаргии. Он начал бесполезно вертеться перед медбратом и персоналом клиники и сыпать словами, как девяностолетняя истеричка, которой соседи сверху пролили потолок. Впрочем, его пыл быстро остудили, пригрозив не пустить вместе с пострадавшей. Митя моментально умолк, насколько это было возможным в данной ситуации, но настойчиво продолжил сновать туда-сюда, как бы ускоряя процессию. Через считанные мгновения тело Анны, в виде разрозненных частей, скрылось за дверями операционной.

– Нужна кровь, и много! – сообщил вышедший врач. На вид он казался лишь немногим старше Мити. – К тому же у неё значительные разрушения тканей в месте разрывов. Вы согласны?

Доктор, видимо, понимал, что объяснять сейчас что-либо молодому человеку было бесполезно. Поэтому он просто спросил «Вы согласны?», и его предчувствия оправдались. Митя немедленно закивал: «Да, да, конечно!», – даже не уточнив, что от него потребуется. Между тем врач решил это ему сообщить.

– Вас сейчас приготовят и положат на кушетку рядом с ней. Трубками вас присоединят друг к другу. Ваша кровь будет поступать к ней, пока мы будем её сшивать. В процессе вы можете потерять сознание, тогда мы вас отключим и отвезём, чтобы влить физраствор: у неё он может отторгнуться, поэтому мы и обратились к вам.

– Да, да, берите всю кровь! – поспешил подтвердить своё согласие Митя. – Лишь бы спасти её!

Во второй раз за последние три дня Митю раздели и положили на кушетку. Через минуту его уже ввезли в операционную, где команда хирургов суетливо, но дисциплинированно готовилась пришивать Анину голову к туловищу. Митя заметил, что Аню тоже раздели, и со странным, романтическим, но всё же вожделением разглядывал её грудь – идеально круглую, упругую, с нежной молочной кожей в кровавых подтёках и синяках. С усилием кузнеца, переносящего наковальню, Митя перевёл парализованный взгляд ниже живота и поймал себя на мысли, что незаконно рассматривает сейчас Маху обнажённую, в то время как Маха одетая оказалась ему недоступной. В порыве признания своей вины он даже крепко сжал веки, но ничего не смог с собою поделать – вновь их раскрыл и стал судорожно разглядывать Анну, как изголодавшийся по женщине полководец пытается разом обнять все части её тела.

Скоро пир зрительного насыщения кончился, потому что Митю положили на спину и вставили в вену иглу, которая трубкой соединила его с Анной. Из локтя весело побежала бодрая тёмно-вишнёвая, почти чёрная кровь и стала теряться в артериях реанимируемой. Митю заставили сжимать и разжимать

кулак, и спустя несколько минут голоса вокруг начали стихать, а чувства – притупляться. Как и во время собственной операции, Митя не заметил, как погрузился в забытие. Вскоре его отсоединили от Анны и стали вливать прохладный раствор, потекший струйкой сверху вниз из прозрачной ёмкости, повешенной на вершине медицинской подставки. Митю перевезли в палату и оставили под наблюдением совсем юной медсестры.

Митя, конечно, не мог этого знать, поскольку находился без сознания, но Анну прооперировали успешно и на удивление быстро. Все действия хирургов уместились всего в час, и объяснение этому удивительному даже по меркам современной медицины проворству скрывалось лишь в одном. Все части Речи были собраны сразу же после взрыва, а саму Анну довели в считанные минуты практически в подготовленную операционную. Впрочем, все эти замечательно посопутствовавшие моменты при умелом объяснении могли быть приписаны мастерству доктора, который провёл операцию.

Несмотря на юный для хирурга возраст, Николай Сафронов уже успел сделать головокружительную карьеру к двадцати пяти. Кандидат медицины, заведующий отделением в крупнейшем больничном центре, чей новаторский метод в хирургии катастроф заставил говорить о нём мировое сообщество. Однако далеко не все были согласны с его подходом. Поэтому он проводил экспериментальные операции и работал над докторской, чтобы доказать всем наконец свою правоту и профессионализм высшей пробы. В подвернувшемся случае Николай чутьём распознал прекрасную возможность продемонстрировать, что его метод верен.

Доктор Сафронов отлично понял, что история со взрывом и перипетиями трагедии, несомненно, вызовет ажиотаж и как минимум на неделю станет центральной темой местной прессы. Поэтому он настоял на особенной скупулёзности ведения стенографии для больничного протокола и сам диктовал минуты для записи в журнале. Медик понял, что для переворота в сознании нужно сделать что-нибудь экстраординарное, выходящее из ряда вон.

Поэтому он показательно разрешил посещение пациентки сразу же после операции. «Меньше часа от операционного стола до посещения родственниками!» – такой слоган уже виделся ему в фантазиях на передовицах медицинских журналов.

Но так как известных родственников у пациентки не оказалось, то для видимости натуральности происходящего доктор попросил навестить Анну... дедушку Мити, Дмитрия Фёдоровича, который прибежал в больницу, увидев на улице, как его внук вбегает в реанимацию вместе с неизвестной девушкой на носилках. Дмитрий Фёдорович, будучи человеком любознательным, успел уже узнать все подробности, которые оказались известны персоналу, и даже навестил самого Митю, поскольку угрозы для его жизни не было никакой. Впрочем, он чувствовал себя обязанным, что ему всё рассказали и позволили пройти к внуку, поэтому он охотно согласился поучаствовать в небольшом фарсе и побыть «для истории» родственником уникальной пациентки, которую воскресили менее чем за час.

Доктор Сафронов лично распорядился, чтобы Анну привели в сознание. Тогда вся история звучала бы гораздо убедительней: девушке час назад оторвало бомбой голову, а сейчас её родственник интересуется у неё о самочувствии и обсуждает, куда она поедет отдыхать в выходные. (Никуда она, конечно, не поедет, потому что террористка, а упекут её лет на двадцать по строгому режиму, да так ей и надо, а, впрочем, всё равно...).

Анну, действительно, реанимировали в полном смысле слова. А когда она открыла глаза и спросила, где находится, и вовсе оставили наедине с подставным родственником. В глазах врача такая фантастичность медицинского воскресения должна лишь очерчивать тот уровень надёжности и гарантии, которую даёт доктор Сафронов.

– Лежи и не трать силы! – ласково начал дедушка. – Я всё скажу сам, а ты поправляйся.

Опыт

Он деликатно кашлянул и начал:

– Меня зовут Дмитрий Фёдорович, я прихожусь дедушкой известному тебе Дмитрию, который и привёз тебя сюда, в больницу, для спасения. Я знаю все детали вашей истории и считаю, что всё это спустя некоторое время может показаться романтическим приключением. Поэтому я ни в коем случае не держу ни на кого зла и желаю вам обоим здоровья и долголетия.

Анна полубезумным взглядом посмотрела вокруг и попыталась приподняться на локтях. Дмитрий Фёдорович торопливо предупредил её:

– Не надо Анечка, ты ещё слишком слаба! – и он с нежностью помог ей снова лечь на кровати. – Ты знаешь, может показаться сомнительным, особенно для моих лет, но я ведь в курсе всех ваших встреч, действий и намерений!

Дедушка таинственно и торжественно заулыбался, но Речь лишь испуганно оглядела его.

– Да, – продолжил Дмитрий Фёдорович, – ты можешь чрезвычайно удивиться, но это ведь я во многом стал причиной того, что вы с Митей встретились.

Анна в очередной раз посмотрела на нежданного гостя с опаской и недоумением.

– Юность его, конечно, извиняет, но он оказался слишком заносчивым даже для своих лет. И тогда я решил подарить ему *опыт*, чтобы он по-иному взглянул на старость. Точнее, на то, что вы называете старостью... Жизнь, её ценности – всё это становится иным, если предел смерти удаляется на не одну сотню лет. Вот скажи мне: почему раньше девушки выходили замуж как можно раньше?

И он с хитрецей посмотрел на Анну.

– Потому что в двадцать они уже были старыми, – провозгласил он, как какой-то пророк, – и нужно было уже в пятнадцать задумываться о браке! А к тридцати азарт юности сменялся опытной зрелостью. Обман же и измены

происходили вследствие краткости жизни и от горького осознания этого. Но сегодня нет смысла изменять, поскольку идеал свой можно искать бесконечно! Обман лишь проявление страсти, не более... Ты думаешь, что люди в двести чувствуют себя, как имбецилы с отсохшими мышцами?

И он победительно, но благовоспитанно рассмеялся деликатным и почти театральным смехом.

– Нам ведь так же, как и вам, всё меняют: органы, кости, кровь – всё! И мы живём и радуемся жизни! Может быть, Митя тебе рассказывал, какие скучные у стариков дни рождения? Так вот я тебе открою тайну, что он просто ни разу не оставался до конца. У нас такие забавы бывают, что и вы позавидовать можете. Не веришь? – искренне удивился Дмитрий Фёдорович. – Серьёзно! Я тебя обязательно приглашу в следующий раз, чтобы ты сама всё увидела.

Он по-доброму и тепло улыбнулся.

– Ну ладно, сейчас не об этом, – остановил он самого себя. – Я начал с того, что решил подарить Мите *опыт*. Жизненный опыт – это ведь отличный подарок! Ты думаешь, мне было жалко оплатить ему операцию по восстановлению ноги? Или что родители не готовы были этого сделать? Да я сам первый остановил их и едва не умолял не вмешиваться, потому что из его осознанного выбора в жизни он мог приобрести *самостоятельность*. Вот как раньше юноши превращались в мужчин?

Анна взирала на старика со всё большей озадаченностью, в то время как тот продолжал разглагольствовать:

– Шли на войны! И когда они видели, как сотня их знакомых погибала в считанные дни или даже минуты, – они выросли сами собой. А теперь опыт нужно искать, находить, идти ему навстречу! Война перестала быть абсолютной уносителем жизни, – Дмитрий Фёдорович развёл руками. – За деньги можно восстановить всё что угодно, и по большому счёту жизнь с материальной точки зрения стала отличаться только качеством суставов и долговечностью новых органов, которые люди могут себе позволить. Именно

поэтому взрослеть морально, психологически, если можно так выразиться – витально... стало гораздо труднее. Вот я решил, на первый взгляд, бросить Митю на произвол судьбы! Но видишь, как получилось: решая свои проблемы, он встретил тебя, и я уверен – полюбил всем сердцем!

Анна с ещё большим удивлением уставилась на Дмитрия Фёдоровича, но тот с прежней неуклонностью предупредил всякое её желание заговорить или привстать на кровати.

– Милая моя, хорошая! – медоточиво залепетал дедушка. – Я искренне за вас рад! Я всё знаю. Я знаю про деньги, которые Митя снял. Знаю про то, что вы хотите поселиться отдельно и начать всё сначала.

Речь перестала понимать происходящее.

– Митя – очень хороший парень! Я уверен, что у вас с ним всё по-настоящему получится. Не сочти за неучтивость, Митя не очень любит, когда я появляюсь на его торжествах. Да и я сам, откровенно говоря, сегодня улетаю жить на море. У меня уже несколько месяцев роман, ты не поверишь, но Алине скоро исполнится двести! Да, а мы всё как юные... Так вот мы улетаем на море, проживём там год-другой. Так что не сможем присутствовать на вашем... мероприятии.

Он почти прослезился, но взял себя в руки и заключил:

– Одним словом, помимо тех денег, которые Митя снял, я завещаю вам своё состояние и – благословляю ваш брак!

На этот раз он непритворно прослезился, скоро, но осторожно пожал Анне руку, поцеловал её в лоб, перекрестил и вышел.

– Выздоровливай! – напутственно прошептал он уже в дверях и оставил Речь одну.

Эпилог

Анна пролежала молча и неподвижно с полминуты, пока не убедилась, что Дмитрий Фёдорович покинул её окончательно, а больше никто войти не собирается. Неожиданно под кроватью пациентки раздался шорох, и снизу показалась мужская голова. Горящие глаза посмотрели на дверь (прикрыта ли), на палату и окно. После чего крепко сложенный парень подтянулся на полу на руках и встал в полный рост. Им оказался тот самый хулиган, который пытался отнять телефон у Мити, когда тот только попал в отстойник, и которого столь властно остановила Анна. И по совместительству её напарник, лично изготовивший взрывчатку. Встав на ноги, он застыл на секунду на месте и притих, чтобы прислушаться, не идёт ли кто.

– Идти сможешь? – спросил он без церемоний девушку, убедившись, что перед палатой пусто.

– Смогу, – не очень уверенно ответила та, зато немедленно вытащила катетер капельницы из локтевой вены и методично стала отрывать многочисленные присоски с головы и груди.

Подельник её в это время достал из сумки спортивные кофту и штаны, видимо, заранее им приготовленные. Он сам одел Анну, после чего обул её в кроссовки и зашнуровал их. Больничную лёгкую пижаму скомкал и бросил обратно в освободившуюся сумку. Затем вновь залез под кровать и достал портфель – тот самый, в который Митя сложил свои деньги и который, конечно же, по рассеянности забыл на месте взрыва, когда собирал части Речи. Этот портфель был тщательно высмотрен и незаметно забран, и вместе с ним похититель и влез за секунду до визита Дмитрия Фёдоровича в палату Анны. С ним он и пролежал под койкой весь монолог старика.

Огромной удачей оказался первый этаж палаты. Напарник Речи беспрепятственно пролез сюда, а сейчас помогал Анне выбраться на улицу. Окно выходило во внутренний дворик стационара, тихий и пустынный. Отсюда можно было незаметно пройти к выходу из больничного комплекса. Одной

рукой парень держал портфель и сумку, другой поддерживал Анну, которая даже после на удивление успешной операции на самом деле еле-еле ковыляла. Впрочем, идти предстояло недолго, метров триста, до стоянки.

По светлой больничной аллее, с ухоженными густыми кустами по сторонам, странной парочке встретилось всего несколько человек. По всей видимости, родственники, шедшие навестить пациентов. Также две женщины, которые везли из одного корпуса в другой чуть дымящийся бидон с едой. Но никто не обратил особого внимания на мужчину, который поддерживал хромавшую девушку. На то она и больница, что здесь хромают, передвигаются на костылях или даже колясках, так что парочка не вызвала никакого подозрения. Кроме как у одной студентки. Та торопилась в университет, а кратчайшая дорога к нему шла как раз через лечебный комплекс.

Отец студентки служил следователем в уголовном отделе и научил дочку многому. Куда бить, когда нападают хулиганы. Как накладывать шину или жгут. Куда звонить в случае чего. Обращать внимание на детали. Девушка и обратила: в руках неизвестного она моментально узнала Митин портфель, с которым тот был во время их последней встречи. Девушка не подала виду и прошла мимо парочки спокойно. Но затем достала телефон и позвонила Мите. Абонент оказался недоступен. Тогда она повернула на ближайшей развилке направо и последовала за подозрительными лицами. Дойдя незаметно до стоянки, она набрала другой номер:

– Алло, пап? Подозрительный мужчина лет тридцати, брюнет, с портфелем – возможно, моего одноклассника! Вместе с хромающей девушкой: двадцать – двадцать пять лет, тёмно-русые волосы. Садятся в машину – чёрный Мицубиси Лансер, девятнадцатый. Госномер: Татьяна, три-два-три, Ольга, Татьяна. Отъезжает с улицы братьев Шульманов в сторону области.

В ответ в трубке раздался глухой, низкий голос.

– Да, меня не заметили, – подтвердила студентка. – Хорошо, я позвоню из университета. Да, мама дала денег на обед, всё в порядке.

Она положила трубку и проводила глазами уезжавшую парочку. Сомнений быть не могло: машину обязательно остановят, портфель проверят и обязательно найдут что-либо подозрительное или указывающее на его истинного владельца. Но что с Митей и почему он недоступен? Девушка снова набрала его номер, но безрезультатно.

– О, Ксюша, привет! – раздался прямо перед нею отдалённо-знакомый голос. Девушка подняла глаза и увидела Митиногу дедушку, шедшего по больничной аллее.

– Здравствуйте! – удивилась она. Это была та самая подруга Мити, которая одолжила ему денег на операцию. – А я как раз звонила Мите, но не смогла дозвониться.

– Так он в палате, отдыхает, – сообщил Дмитрий Фёдорович.

– А, ему восстановили ногу? – обрадовалась Ксюша.

– Так ему три дня назад восстановили, – бесхитростно выпалил Дмитрий Фёдорович. – Это уже другая история. Его подруга пострадала... при взрыве, и он отдал ей свою кровь, а теперь восстанавливается.

Заметив, что напугал девушку, он решил разъяснить всё подробней.

– Он в совершенной безопасности, – поторопился успокоить её Дмитрий Фёдорович, – его жизни ничего не угрожает! Сегодня с утра произошёл... инцидент, и... знакомая Мити пострадала. Её привезли сюда и прооперировали. А Митя, который оказался рядом, согласился на переливание крови для неё, вот и всё. Сейчас он отдыхает, под капельницей, и скоро придёт в себя и восстановится. Так что не переживай и можешь навестить его, но только, наверно, теперь уже вечером.

– А какой корпус?

– Четвёртый, – дедушка указал рукой в его направлении. – Одиннадцатая палата. Только к нему сейчас нельзя!

Ксюша кивнула и побежала ко входу в корпус. Упрашивать медсестёр пропустить к Мите ей пришлось недолго: угрозы для его жизни не было, а

просительница вполне походила на юную влюблённую, настолько бледной и взволнованной она была. Девушка на цыпочках, неслышно прошла в палату и притворила за собой дверь. Митя лежал под капельницей, тоже бледный и какой-то расслабленный, как будто отсыпался после бессонной недели. Ксюша осторожно присела рядом и взяла его худую руку в свою. На секунду парень проснулся, огляделся затуманенным взглядом вокруг, заметил гостью и прошептал нежно и тихо:

– Аня, Анечка... – после чего улыбнулся и вновь заснул крепким, но беспокойным сном.

С Ксюшиного лица улыбка, напротив, быстро сошла, оставив после себя кислое подобие казаться сильной. Она отпустила Митину руку и осторожно встала, чтобы вновь не потревожить и не разбудить его. Медленно вышла из палаты и, не говоря ни слова сёстрам, удивлённым быстротой визита, бросилась на улицу.

– Алло! – ответила она, чуть не плача, на телефонный звонок.

– Алло, дочка, привет! – раздался голос на другом конце. – Ты у меня просто умница! Машину остановили, портфель обнаружили, и знаешь, что в нём оказалось? Почти шесть миллионов рублей! Мужчине удалось сбежать, но это пока, его уже весь город ищет. А девушку задержали, её под конвоем отправили назад в больницу. Представляешь, ей только сегодня пришили после взрыва голову, руки и ноги!

– Я вижу, – кратко ответила Ксюша.

– Ты видишь? – удивился папа. – Ты в больнице?

– Да, я пришла навестить Митю, – сдержанно пояснила дочка. – А сейчас на улице и вижу, как её ведут под руки.

Ко входу в приёмное отделение двое полицейских, действительно, вели Анну, обессиленную и как бы не в своём уме от боли, которую она видимо не могла сдержать. На свежепришитом запястье, ещё с торчащими

хирургическими нитками, сверкал браслет наручников. «А ведь простит и дождётся!» – подумалось наблюдательнице при виде конвоируемой.

– Дочка? Ксюша? С тобой всё хорошо? – беспокоился густой мужской голос в трубке.

– Да, пап, всё хорошо! – ответила девушка, и слезинка скатилась с уголка её глаза.

– Слова – это всего лишь части речи! Как у тебя на самом деле? – переспросил отец.

– Всё в порядке! Увидимся вечером.

4 февраля 2015 – 11 февраля 2016 г.

14 февраля 2016 г. – редакция

СОДЕРЖАНИЕ

Двести лет	3
Вечеринка	4
Совет	9
Встреча	15
Отстойник	19
Эвдемоналия	30
Революция	37
Заговор	41
Друзья	46
Подруги	54
Власть	57
Серый кардинал	60
Любовь – это всё, что мы есть!	71
Опыт	75
Эпилог	78

* * *

Михаил КОЖАЕВ

ЧАСТИ РЕЧИ

Фантомная повесть

Читайте произведения Михаила Кожаяева

на сайте m-kozhaev.ru

Почта: erarot@rambler.ru

Телефон: +7(930)7-999-147

Соцсети: vk.com/m_kozhaev

facebook.com/erarot

twitter.com/m_kozhaev

Обложка – Екатерина КОЖАЕВА

Официальная страница – vk.com/katherine2la

Картины на заказ по фотографии – vk.com/paints_from_photo

Группа ART Katherine – vk.com/club98021207